

Александр Ширванзаде

Вардан Айрумян — роман. Перевод Я. Хачатрянца

1

Одна старуха, дожившая до последнего года девятнадцатого века, рассказывала, как ужасен был день, когда явился на свет Вардан Айрумян. Небо непрерывно грохотало, а порою рычало, как неукротимый зверь; темные тучи, точно корабли без руля, неслись неведь куда. Однако дождя не было. Над землею нависла непроглядная тьма; пыль, вздымаемая бешеным ветром, заволокла все улицы, и город стал похож на гигантскую мельницу.

На больших географических картах этот город, разумеется, имеет свое место и название. Крошечная точка, гораздо меньше булавочной головки, указывает, что он расположен между Черным и Каспийским морями, у подножия Кавказских гор. Своим видом и нравами, прошлым и настоящим, мудрыми и наивными преданиями и обычаями он до того похож на другие кавказские города, что незачем упоминать его имя. Так пусть же он носит шуточное название Зилзил, придуманное одним бездельником. Я очень признателен этому шутнику: он избавляет меня от любопытства читателя, подвергающего подчас несчастных романистов инквизиторским пыткам.

Рождение Вардана Айрумяна справляли в одноэтажном каменном доме с плоской крышей, расположенном в срединной части города Зилзила, отделявшей христианский квартал от мусульманского. Снаружи дом этот имел только одно окно с прочной железной решеткой, два глухих оконца и массивные ворота с вечно задвинутыми двумя засовами. Ржавые гвозди в четыре ряда с головками, напоминавшими шляпки грибов, придавали этим воротам средневековый облик. Густой слой пыли и свисавшая с окон паутина с несметным числом издыхавших в ней мух делали дом еще более мрачным. Прохожему невольно казалось, что вот-вот из-за угла выглянет часовой с

ружьем или из-за оконной решетки покажется желто-зеленое, изможденное лицо узника.

Очень немногие проходили сводчатую дверцу, сделанную в воротах, предварительно постучав висевшим на ней молоточком, — он так же успел заржаветь от долгого бездействия. И те, кто входил в дом, выходили оттуда с хмурыми лицами.

Здесь жил известный в городе купец — Багдасар, внук Айрума, начальника конюшни последнего персидского хана. Славился он не столько своим богатством или происхождением, сколько невыносимо свирепым, человеконенавистническим нравом. Он избегал соседей, ненавидел родственников (и поделом: почти все они были дармоеды), а друзей почти не имел и не хотел иметь. Цирюльник Погос, который по воскресеньям утром приходил к Багдасару брить его, уверял, что этот негостеприимный человек даже своего «мастера» брадобреля встречал с неохотой. Приходский священник, отец Саркис, посещавший мрачный дом только на пасху и на рождество, рассказывал, что даже в эти радостные дни Багдасар не принимал никого, кроме первого купца в городе, Абраама-аги.

Вот каков был Багдасар, и вот почему в те роковые часы, когда жена его рожала в страшных муках, хозяин в одиночестве ходил из комнаты в комнату, вздыхал, ворчал про себя и время от времени прислушивался к воплям, доносившимся из спальни. Третьего по счету ребенка Гюльюм родила на восьмом году брака. Первый умер годовалым. В городе ходили зловещие слухи об отцовских чувствах Багдасара. Передавали, будто он в припадке гнева дошел до того, что, схватив годовалую дочку, ударил ею жену по голове. Несчастный ребенок тотчас умер. Сплетники объясняли варварский поступок Багдасара тем, что это была девочка. Однако многие возражали: если Багдасару так ненавистны девочки, почему он не прикончит и другую дочь, Мариам, которой уже минуло пять лет?

Трудно сказать, кто знал истину. Одно было несомненно: горячее желание Багдасара иметь сына. Если на этот раз явится на свет мальчик —

свидетель бог! — Багдасар купит для Гульюм кусок дорогого бархата. Если же, боже упаси, родится дочь, он плюнет в лицо бессовестной жене и даже перестанет кормить ее — будь проклято ее чрево!

Пронзительный крик оборвал размышления Багдасара. Потом послышался другой, совсем не похожий на первый, — точь-в-точь визг поросенка, засунутого в мешок. Багдасар понял, в чем дело, и осенил себя крестным знаением. Тут как раз вошла его теща. Как у многих старух города Зилзила, ее спина преждевременно согнулась под тяжестью женской доли.

— Свет очам твоим, милый зять, жена твоя разрешилась!

— А ну тебя к шуту, говори прямо — мальчик или девочка?

— Мальчик... — Ладно, ступай!

Старуха скрылась. Багдасар продолжал мерить устланный персидскими коврами пол такими неровными шагами, что острый верх его папахи описывал самые причудливые зигзаги. Наконец-то господь внял его безмолвным мольбам и тайным вздохам, подарил ему наследника. Да ослепнут отныне его враги! (Багдасар весь человеческий род считал своим врагом). Эх, проклятые душонки, конечно, вы воображали, что Багдасар останется без наследника и его дом и добро пойдут прахом!..

Через четверть часа Багдасару доложили, что он может, если угодно, лицезреть своего наследника. Багдасар тотчас же прошел в спальню. В углу лежала Гульюм — слабая, изнеможенная, бледная, как мертвец, однако на ее губах играла счастливая улыбка. У изголовья справа и слева сидели ее сестры — Джавахир и Заррик — и плакали... от радости. Они радовались тому, что сестра родила мальчика и раз навсегда избавилась от жестоких попреков Багдасара. В другом углу, подле круглой ямы, стояло медное корыто с горячей водой, и пар от него обволакивал положенного неподалеку ребенка — так прозрачное облако заслоняет молодую луну. Повитухой была Эрикназ. Засучив рукава до локтей, она готовилась купать новорожденного. А новорожденный заливался таким плачем, будто его собирались варить, и он понимал это.

И впрямь то, что проделала Эрикназ, было похоже на варку. Она окунула младенца в горячую воду и принялась обмывать его нежное тельце с таким усердием, словно стирала грязную тряпку. Потом, вынув ребенка из корыта, она начала посыпать его солью. Разумеется, новорожденный отвечал на это дикими воплями.

— Заткни глотку, горластый! — ласково промолвила бабушка. — Тебя посыпают солью, чтобы ты не сгнил.

— И чтобы кожа твоя окрепла и не потела, — прибавила Джавахир.

— И чтобы из тебя не вышел пресный человек, — сказала Заррик.

Усердно посолив младенца, Эрикназ спеленала его и начала перевязывать ему ручки и ножки шелковыми лентами. Можно было подумать, что она пакует почтовую посылку. Много лет спустя, когда мальчик показал свои необыкновенные способности, старухи говорили: «Та, что пеленала, знала свое дело». Те же старухи уверяли, будто ребенок, едва появившись на свет, завопил: «Хочу, хочу!» А те, кто присутствовали при первом купании новорожденного, заметили, что у него на груди крупное желтое пятно, очень похожее на золотой империал. Уверяли, что это пятно, которое так и осталось у него навсегда, — знак необычайного счастья.

Багдасар подошел к наследнику, взглянул на его красно-синее личико, улыбнулся, если только эту гримасу на его лице можно было назвать улыбкой, и произнес такие «ласковые» слова:

— Вот, собачье отродье, на вареного поросенка похож!

Потом он достал пару серебряных монет и положил их на животик новорожденного. Его примеру последовали теща и свояченицы. Затем приблизилась Эрикназ, собрала эти монеты и спрятала в карман, как награду за труды.

— Ну-с, а теперь айда по домам! — обратился Багдасар к теще и свояченицам. — Роженица уже разрешилась, оставьте меня в покое. Путь добрый! Впрочем, погодите, чаю попьем, только жаль — чаю нет. Сахар дорогой подмок, сбор чая в Китае еще не начат, самовар у меня украли, воды

нет, угля нет. Ну, прощайте, а то выискались еще хозяйки у меня в доме, собирайтесь, да поживей! За помощь моей жене спасибо, своими глазами видел... А теперь айда! Айрумян Багдасар не любит женщин! Кто вас за людей считает, я их бы...

Гости, отлично зная грубый нрав хозяина, поспешили покинуть его дом.

Так вступил в мир Вардан Айрумян — тот, кто впоследствии прославил свое имя и возбудил зависть у многих армян.

2

Ровно семь дней спустя Багдасар пригласил отца Амбарцума для свершения обряда «очищения» новорожденного, то есть для крещения. Крестным отцом был Абраам-ага Далбашян — всеми в городе уважаемый купец и, кажется, единственный человек в Зилзиле, с которым Багдасар был в дружбе, которому безусловно доверял и перед которым даже благоговел.

Утром Абраам-ага послал родным своего крестника головку сахару, фунт чаю и полпуда сушеных фруктов. Сам же он отправился прямо в церковь, где его уже поджидала Эрикназ с новорожденным на руках. Отец Амбарцум нарек младенца Варданом, глубоко убежденный, что не сыскать более подходящего и прославленного имени¹ для крестника Абраама-аги и для сына вечно недовольного Багдасара.

Вардана торжественно вынесли из церкви: впереди шел дьякон, высоко воздевая хоругвь, за ним — отец Амбарцум с епитрахилью на плечах и с крестом в руке, возглашая приличествующую случаю молитву; далее шествовал Абраам-ага, держа в руках крестника и две зажженные свечи по сорок копеек каждая. За ними следовали: Эрикназ с узелком под мышкой и пономарь — с потухшим кадилом в одной руке, с посохом отца Амбарцума и папашой Абраама-аги — в другой. Справа и слева валила толпа полуголых, босоногих ребятишек, старавшихся ни на шаг не отставать от Абраама-аги и во все глаза глядевших ему в лицо, как будто это было необыкновенное

¹ Имеется в виду Вардан Мамиконян — выдающийся армянский военачальник V века.

существо, вроде выходца из иного мира. Между тем руки Абраама-аги отяжелели до того, что ему подчас хотелось бросить крестника. Злобу свою Абраам-ага срывал на непрошенных телохранителях, он кричал на них, топал ногами и ругался непристойными словами. Голос его был внушителен, поступь грозная, полное лицо выглядело устрашающе. Детвора отшатывалась, а минуту спустя снова окружала его.

Наконец процессия вошла в дом и мрачные ворота закрылись за ней. Для гостей были приготовлены: яйца всмятку, сливочное масло, мед, халва, сливки и смесь сладкого чая с ромом — напиток, именуемый на местном наречии «пунджем». Багдасар облачился в шелковый архалук, подпоясался синим шелковым широким кушаком. Чего только не приходило ему в голову при мысли о наследнике! Вардан вырастет, делается правой рукой отца в торговле, вместо отца он ежегодно будет отправляться в Нижний за товаром, заработает много тысяч, построит дома и караван-сарай и будет всем на зависть первым человеком в Зилзиле. Вот когда Багдасар отомстит своим врагам!..

— Ты чего бурчишь себе под нос, — обратилась к мужу принаряженная Гюльюм, восседавшая на постели в ожидании младенца. — Остановись, полно тебе мерить комнату. Кого ты поносишь? На кого поднимаешь руку? А теперь рассмеялся. Что случилось?

— Он должен быть большим человеком, очень большим, понимаешь?

— Кто?..

— Если он не станет большим человеком, я первый плюну ему в лицо.

— Кому, о ком ты говоришь?

— Да помалкивай ты, собачье отродье!..

Раздался зычный голос отца Амбарцума. Багдасар бросился к двери. На соседних крышах появились любопытные женщины и дети. Однако развесистые ветви гигантского тутового дерева, росшего во дворе, мешали им наблюдать, что творится в доме «свиньи» Багдасара.

Гости уселись завтракать. Отец Амбарцум скушал шесть яиц всмятку, заметив, что это очень полезно для голоса. А какова была польза от двух стопок водки и трех стаканов «пунджа» — об этом он умолчал и принялся за мед и масло.

Абраам-ага после двух стаканов «пунджа» заметно оживился и, заговорив о падении торговли, перешел к политическим новостям. Авторитетным тоном он сообщил, что русский царь намерен разом покончить с горцами, что все готово — и не сегодня-завтра они захватят Шамиля и в Дагестан назначат Аргутова. Постепенно переходя к другим вопросам, он добрался наконец и до будущности своего крестника.

— А знаешь, Багдасар, — молвил он, осушая третий стакан «пунджа», — с того дня, как русские ступили на нашу землю, все изменилось. Старые порядки полетели вверх тормашками. Теперь необходимо ученье. Смотри же, сынка не оставь неучем, не то будешь очень жалеть. В наше время неграмотный — это полчеловека, да что я говорю — четверть человека.

— Эх, мы еще посмотрим, что из него получится! — процедил Багдасар.

Ему сильно хотелось прибавить словцо покрепче, но, вспомнив, что тут сидит Абраам-ага, он прикусил кончик уса.

— Каков бы там ни был Вардан, он прежде всего должен знать закон. Ежели не будет знать закона — цена ему грош...

— Конечно, — вмешался отец Амбарцум, — как можно без закона... Ага-Абраам, — переменял он разговор, бросив лукавый взгляд на присланную крестным отцом сахарную голову, — какова цена на сахар в этом году?

— Очень дорогая!

— Вот те раз! Выходит, что таким беднякам, как я, не придется отведать чаю?

Багдасар понял намек батюшки и пробурчал про себя: «Взять бы да выдрать тебе бороду, бесстыдник!»

Отец Амбарцум пожелал новокрещеному долгой, долгой жизни, здоровья, славы и чести, горы золота-серебра и всяких иных богатств. Спрятав

в карман «плату за рукоцелование», он ушел. За ним поднялся Абраам-ага, повторяя:

— Смотри, не оставь дитя неученым, послушай меня.

По словам знатоков, Вардан не был похож ни на мать, худую с добрыми глазами женщину, ни на отца, плотного, угрюмого, носатого человека с толстой красной шеей. А будто походил он на дядюшку по материнской линии, Мартироса Ахвердяна, три года назад покинувшего Зилзил. Насколько это верно — трудно сказать, но одно в мальчике поражало всех: цвет его глаз. И точно, это был не какой-то определенный цвет, а невиданная, странная смесь желтого и зеленого. Эти глаза порою глядели так остро и властно, что чудилось: ребенок вот-вот бросится на тебя, как разъяренная кошка.

Гюльюм с довольной улыбкой говорила, что вряд ли когда-нибудь ребенок сосал так жадно материнское молоко, как Вардан. И в самом деле, когда Вардан припадал к материнской груди, он уподоблялся пиявке — ненасытной, жадной, раздувшейся. Вардан высасывал молоко до последней капли. И потом начинал мять деснами материнскую грудь с такой силой, что от боли несчастная подымала крик и торопилась высвободить грудь из его маленьких, но цепких коготков. Нередко эти коготки вонзались в материнскую грудь, оставляя на ней кровавые следы. А между тем глаза его, желтые, как у тигра, приникали к материнским глазам неподвижным, стеклянным взглядом.

На одиннадцатом месяце Вардана отняли от груди.

— Слава богу, теперь я хоть немного наберусь сил: этот мальчик вместе с молоком высосал из меня кровь, — облегченно вздохнула мать.

— Дай бог, чтобы из него вырос парень, способный сосать кровь из любого, кто встретится ему на пути, тогда я скажу: молодец! — брякнул Багдасар.

— Не говори так, не говори, ведь все люди будут тогда шарахаться от него!

— Плевать мне на людей! Кто они такие, отвечай? Ящерицы, да, да, именно ящерицы. Кто половчее, тот должен давить их!

— Вот за это тебя все свиньей и прозвали, — осмелилась возразить, быть может, впервые в жизни Гюльюм.

— Помалкивай, негодница! — взбесился Багдасар. — С того дня, как оценилась мальчишкой, ты много воли даешь языку. Ну да, я им не люб, я не баран, чтобы меня стригли. Пусть они и сына моего не любят, лишь бы боялись его и в ножки ему кланялись...

Трехлетний Вардан был живым, румяным ребенком с толстыми, сочными губами и белыми, едва прорезавшимися зубками. Ему позволяли выходить на улицу с сестрой Мариам, которая была пятью годами старше и могла присмотреть за маленьким братом. По наказу отца она сажала Вардана на плечи, выносила на улицу, играла с ним, не подпуская к нему уличных ребят. Однако Вардан как будто не унаследовал нрава отца. Он норовил подружиться с одноклассниками и очень любил игрушки; увидит у кого-нибудь заманчивую безделушку, сейчас же кинется вырывать. А сам он никогда ничего не давал другим, даже на минуту.

Однажды Багдасар принес ему с рынка плоский ящичек с узким длинным отверстием на крышке. Отдавая его сыну, он молвил:

— Вот, бери, сколько ни попадет тебе в руки денег, опускай в эту щелку.

Багдасар почти каждый вечер опускал в ящичек медную или серебряную монету, накапливая для сына «капитал».

— Слушай, сынок! — твердил он при этом каждый раз. — Главное на свете — деньги. Не нужно ни друзей, ни родни, ни братьев, ни сестер, ни людской чести, ни любви — только деньги! В деньгах вся сила — да будет благословен тот, кто их чеканит!

Вардан, постоянно слушая такие наставления, постепенно постигал их смысл.

Прошло немного времени, и мальчик полюбил копилку больше всех игрушек, даже больше родичей. Он ласково прижимал свое сокровище к

груди, как любящая мать дитя. Затем Вардан подносил ящичек к уху, тряс его, прислушиваясь к приятному звону металла.

В такие минуты его детское личико уже не казалось невинным, в глазах вспыхивал алчный огонек. Горе тому, кто коснулся бы его сокровища — взвизгнув, как крыса, он бросился бы на него, норовя выцарапать глаза.

Глядя на этого едва начинавшего лепетать ребенка с прижатым к груди ящичком, можно было подумать, что он уже с пеленок усвоил злую мысль, что деньги — стержень мира, что их и только их надо цепко хватать руками.

Багдасар в глубине души радовался, подмечая в сыне эту врожденную тягу к деньгам, — так радуется посредственный артист, увидевший в своем наследнике проблески гения. Он поощрял в сыне эту страсть, старался развивать и укреплять ее. Порою Багдасар давал деньги сыну, чтобы тот сам клал в ящичек. И ребенок, прежде чем опустить монету, долго забавлялся ею, перебрасывая из одной руки в другую, катая по полу, точно кошка, играющая с мышонком перед тем, как задушить его.

— Нет, из этого малыша выйдет дельный парень, — говаривал Багдасар Гюльюм в присутствии сынка. Когда мальчику минуло шесть лет, отец как-то вечером решил вскрыть ящичек. Лезвием ножа он осторожно снял крышку. На пол посыпались серебряные и медные монеты. Глаза Вардана зажглись беспредельной радостью, словно при виде яркой иллюминации. Он невольно вскрикнул:

— Они мои! Они мои!

И обеими руками вцепился в монеты, как хищник в добычу. Несколько монет откатилось в угол, Мариам поспешила их поднять и хотела сунуть в карман, но Вардан схватил ее за руку и так укусил, что бедняжка от боли закричала, расплакалась и выронила деньги.

Багдасар пересчитал содержимое копилки — получилось тридцать девять рублей.

— А теперь подумаем, как нам поступить с этими деньгами, — сказал он. — Уступи, Вардан, их мне под проценты — десять копеек в год за рубль.

Ах, да ведь ты еще не знаешь, что такое проценты! Вот послушай: в этом году ты, скажем, даешь мне десять рублей...

И Багдасар, обстоятельно растолковав сыну, что такое проценты, добавил:

— Понял?

— Понял, — ответил Вардан, — но Своих денег я под проценты не дам. Положи их обратно в копилку и отдай ее мне.

Багдасар закрепил крышку и посоветовал Вардану продолжать копить деньги. Теперь мальчик свободно бегал по улицам, дворам и крышам. Мариам уже не следила за ним, да и не могла уследить: ей шел одиннадцатый год, и по местному обычаю она должна была затвориться дома.

Багдасар нанял для присмотра за Варданом слугу-лезгина. Большую часть дня ребенок проводил с ним — на кухне, во дворе, на улице.

Осман — так звали лезгина — из дощечек мастерил ему игрушки, а порою рассказывал всякие были и небылицы. Вардан усаживался Осману на плечи и требовал, чтобы тот катал его. Он безжалостно колотил несчастного Османа ножками по животу и бокам, стегал его хлыстом, воображая, что сидит на коне. Гордый горец, в душе негодуя, с молчаливой улыбкой должен был сносить оскорбления несносного мальчика, иначе он лишился бы трехрублевого жалованья в месяц и куска хлеба. Осман тоже имел сына — ровесника Вардана — и двух дочек, оставшихся в Дагестане с женой. Вспоминая детей, Осман со вздохом потирал лоб, уже изборожденный морщинами. Иногда, устав от игры с маленьким деспотом, он отпускал его к соседским ребятам, издали зорко наблюдая за ним. Вардан дружил главным образом с теми, кто отличался тихим нравом и послушно исполнял его волю. Золотистый пояс, сатиновый архалук, ярко блестящие сапожки Вардана вызывали у товарищей невольное уважение, смешанное с завистью. Нередко он бесцеремонно вырывал у того или другого мячик, воздушного змея или бабку, ругался и дрался. А когда на него осмеливались поднять руку, с визгом бежал к Осману. Случалось, что и Вардан иногда бывал не чужд великодушия.

В эти редкие минуты он раздавал товарищам кусочки халвы с воробьиный клюв или яблоко, разрезанное на десять долек.

Вардан всегда носил при себе деньги и хвастал ими перед соседскими ребятами.

В начале лета Осман, не выносивший жары, уехал на родину, пообещав вернуться осенью. Вардан остался без защитника и стал держаться в стороне от сверстников, ушел в себя и еще больше пристрастился к своей копилке. Теперь он думал только о своем сокровище. Правда, отец почти каждый вечер опускал в копилку монету, но ведь пройдет много времени, пока она наполнится. И вот Вардан нашел способ зарабатывать деньги.

Однажды вечером, когда Багдасар был занят какими-то счетами, а Гюльюм шила для Вардана белую шелковую рубашку, из другой комнаты выбежала Мариам, крича:

— Посмотрите-ка, что делает Вардан!..

Супруги подошли к двери и увидели, что Вардан стоит в углу перед зажженной свечкой и пересчитывает горсть серебряных и медных монет. Он до того ушел в это занятие, что даже не заметил появления родителей. Его детский лоб наморщился, губы сжались, руки тряслись от волнения. Пересчитав деньги, он приложил руку ко лбу и уставился в потолок — чудесный сюжет для художника! Потом начал снова считать и вновь приложил руку ко лбу: было ясно, что он не тверд в счете и сбивается. Чем прилежнее Вардан считал, тем сильнее тряслись у него руки. Уши и щеки его багровели, дыхание участилось. Этот восьмилетний мальчишка в тишине, перед тусклым огоньком свечки, был похож на легендарного скупца, который в удивлении глухими ночами считает свои сокровища, восторгается звоном золотых монет и безмолвно беседует с ними.

— Чудо, а не мальчик! — шепнул Багдасар, ухватив жену за локоть.

Он осторожно подошел к сыну. Вардан поднял голову и тотчас, обеими руками прикрыв деньги, завопил:

— Не дам, не дам, никому не дам!..

— Откуда эти деньги? — спросил отец.

— Не скажу, ты побьешь меня.

— Из копилки вынул?

— Нет, ей богу, нет, это заработанные деньги.

— Заработанные? Как же это ты зарабатываешь деньги? Отвечай — не то изобью!

Вардан был вынужден открыть тайну. Мать почти каждый день посылает его в ближние лавки покупать разную мелочь: мыло, свечи, синьку, спички, мадзун. Вардан каждый раз ухитрялся утаивать копейку-другую — и вот сколько набралось!

— Умница, умница! — повторял восхищенно Багдасар.

— Выходит, ты воришка? — сказала Гюльюм. Она решительно не соглашалась с мнением супруга.

— Ничуть я не воришка. Это торговля, — ответил Вардан совсем серьезно. — У лавочника я покупал подешевле, а тебе отдавал подороже. Так делают все торговцы.

— Съела?! — воскликнул Багдасар, совершенно очарованный ответом сына.

И, поцеловав его в лоб, снова повторил:

— Умница! Умница!

4

Осенью Багдасар решил определить Вардана в школу. Однажды утром мальчика разбудили пораньше. Мать накормила его сытным завтраком — яйцами, маслом, медом — и, благословив, отправила с отцом.

Всю дорогу Багдасар наставлял Вардана, толкуя ему о пользе ученья.

— Видишь ли, сынок, — внушал он, — мир наш, как эта чинара. Люди — черви на ней, сидят себе и питаются листвой. Бывают черви похрабрее — они едят больше и чаще. А есть и такие, что с места не двинутся: такие с голода дохнут. Чтобы жрать — нужны зубы. Ум человека — его зубы. Ученье —

точило, —запомни ты это хорошенько! — точило для зубов. Ежели неученый умник стоит пятерых глупцов, то грамотный умник стоит десяти неученых умников. Обмануть грамотея очень трудно, а он легко может обманывать неграмотных. Вот теперь я отдаю тебя в школу. Знай, сынок, придется мне раскошелиться, а это дело нелегкое. Зато и похвалю же я тебя, ежели ты за два-три года научишься жарить по-русски и строчить прошения, как наш консисторский секретарь Каграман-бек. Ох, перевернуться бы его отцу в могиле — третьего дня, покупая у меня ситец, он стибрил тринадцать копеек!

Так вот, заруби себе на носу: хорошо, когда человек грамотен. Окончишь учење, я тебя с братом Абраама-аги, Израелом, отправлю в Нижний закупать товары. Тогда-то уж я обеими руками вцеплюсь в глаза нашим недругам. Чтоб их!..

Вардан внимательно слушал отца и, крепко держа его за руку, еле поспевал за ним. Время от времени Багдасар, чтобы сын лучше запомнил то или иное наставление, так сжимал ему руку, что малыш готов был вскрикнуть от боли.

— В школе, — продолжал отец, — ты ни с кем не ссорься, но и ни с кем не дружи. Занимайся прилежно своим делом. От товарищей пользы никакой, а вред может быть, особенно от детей бедняков: один попросит перо, другой — бумаги и чернил. А ты им, сукиным детям, ни-ни, понимаешь?! Ну вот и дошли, поглядим, что ждет тебя...

Как раз в эту минуту Вардан дважды чихнул. Он уже знал, что чихнуть два раза подряд — к добру, и он пальцами заткнул себе ноздри, чтоб удержаться от третьего чиханья.

— Слава богу! — довольно вздохнул Багдасар.

Школа находилась в верхней части города, в русском квартале. Это было незатейливое здание в полтора этажа, выбеленное снаружи. От соседних домов оно отличалось только отсутствием железных решеток на окнах, вероятно потому, что внутри не было ничего заманчивого для воров.

Перед тем как войти, Багдасар своим пестрым платком утер Вардану нос. Отец и сын вошли в просторный двор, обнесенный деревянным забором. Уроки еще не начались, ученики резвились на дворе. Возле кухни инспектора разгуливала стайка гусей и пара индюков, которые важно вытягивали шеи на манер уездных чиновников. Две-три утки в водоеме ловили огуречные и дынные корки. Завидя незнакомцев, индюк подбежал к ним, вытягивая шею, точно требуя отчета. Багдасар длинными рукавами чухи отогнал негостеприимную птицу, крепко выругавшись.

Ученики сейчас же обступили новичка.

— Мартын Багданыч чай кушает, — сказал один из них.

— Тебя не спрашивают! — рассердился Багдасар и, закинув за шею рукава чухи, уселся на скамейке перед школой.

Ученики обступили их полукругом и принялись разглядывать Вардана с ног до головы. Вдруг Багдасар поманил рукой ученика, стоявшего в отдалении.

— Малыш, малыш, а ну подойди, я погляжу на тебя.

Мальчик подошел, покусывая рукава архалука.

— Не внук ли ты носильщика Огана и сын Асатура, что торгует железом?

— Да, — ответил мальчик застенчиво.

— Ого, у тебя серебряный пояс! Ай-яй-яй! Ну да, ведь твой отец купец, перевернуться бы костям его отца в могиле!.. И ты ученым заделался?.. Ой-ой, ты озаришь светом весь мир! Как тебя зовут?

— Левон.

— Ого, да, видно, ты из ноздри царя Левона выскочил!..

Раздался взрыв смеха.

Наконец школьный сторож Андреас возвестил, что Мартын Багданыч идет. Мгновенно двор опустел — ученики разбежались по классам. Багдасар поднялся, спустив рукава чухи в знак уважения.

Мартын Багданыч был выше среднего роста, рябой, с подстриженными усами и бородой. На правой щеке у него виднелся след зажившей раны, величиной с пятак, придававший его лицу суровость. Трудно было определить возраст этого человека: борода с проседью, зубы подгнили, но волосы на голове совсем черные, в походке и в голосе юношеская бодрость. Общипанные усы инспектора отливали желтизной, вероятно потому, что он курил самокрутки без мундштука, — на это указывали желтые пятна на указательном и среднем пальцах.

Вошел он в класс с опущенной головой — можно было подумать, что невидимая рука щекочет ему шею.

— У него на затылке шишка, — шепнул Вардан отцу.

— Молчи! — буркнул Багдасар. — Поклонись, паршивец!

Отец и сын тотчас же последовали за инспектором.

Сперва Багдасара немного смутили его желтые пуговицы, но, вспомнив, что два года назад он продал ему три аршина синего сукна на мундир, купец кашлянул и пробормотал: «Прохвост!»

— Добро пожаловать, — приветствовал его инспектор. — Что скажешь? Сына привел? Отлично! Обучим его. Мальчик, кажется, смирный. Писать-читать не умеет? Ничего, скоро научится...

Пока шел этот разговор, ученики исподтишка шалили: корчили смешные гримасы, толкались, щекотали друг друга, запускали бумажные шарики. Особенно проказничал ловкий, смуглый кривоносый мальчик. Стоило инспектору отвернуться, как он уже вскакивал на плечи кому попало или же, уткнувшись головой в парту, неистово дрыгал ногами.

Переговоры о Вардане давно бы кончились, если бы Мартын Багданыч не поинтересовался по дружбе частными делами Багдасара. Покончив и с этим, он пожаловался на чирей.

— Братец, вот уже неделю я не сплю. Колет, как иглой. Цыц, вы, мерзавцы! Голову не могу поднять.

— Я знаю хорошее средство, — ответил Багдасар. — Возьми луковицу, разрежь пополам, намажь козьим салом, хорошенько поджарь на огне, когда все это разогреется, положи на шишку и крепко-накрепко завяжи. Тогда и боль кончится и опухоль спадет.

В эту минуту кривоносый ученик, делавший на парте стойку, потерял равновесие и с шумом опрокинулся навзничь.

Раздался громкий хохот.

— Кто это? — воскликнул Мартын Багданыч. — Опять он, этот мерзавец из мерзавцев, Мкич Чахмахчян. А ну-ка, поди сюда, гадюка, змеиное отродье!..

Кривоносый Мкич, впившись горящими глазами в инспектора, не двигался с места. Он хорошо знал, зачем его зовут. Мартын Багданыч, одной рукой держась за шею, а в другой сжимая линейку, пошел к нему. Мкич пустился наутек. Инспектор погнался за ним, нагибая шею. Ученик вскочил на парту. Мартыну Багданычу удалось ухватить его за полу архалука. Однако Мкич и тут нашелся: оставив архалук в руках инспектора, он выскочил через окно на улицу.

— Сейчас же поймать этого негодяя! — приказал Мартын Багданыч.

Несколько учеников бросились исполнять приказание.

— Ну вот, посмотрите, господин Багдасар, на этих чертей, — пожаловался Мартын Багданыч, которого корчило от боли. — Проклятые! Этот Мкич — сын нашего сторожа Андреаса. Не раз уже я его выгонял и принимал обратно. Что делать, несчастный отец в ноги кланялся, умолял, просил. Нет уж, зверя как ни учи, а человека из него не выйдет. Ах да, как бишь вы изволили сказать? Луковицу зажарить на огне, козье сало, крепко завязать. Спасибо. Молчать, проклятые ослы!..

Тут ввели Мкича: за одну руку его держали ученики, за другую отец.

— Мартын Багданыч, — сказал Андреас, — для него одна острастка — розги, отлупи его как следует по мягкому месту; он мне всю душу вымотал.

В то время телесное наказание в казенных школах еще не было запрещено, и Мартын Багданыч с великим удовольствием пользовался своим правом, вполне уверенный, что в деле воспитания порка самое надежное средство. Он отсчитал на ладонях Мкича двенадцать ударов линейкой, приговаривая: «Мразь— раз, мразь— два, мразь — три, осел — четыре, щенок — пять и т. д.».

Мальчик с ревом, пряча руки под мышки, поплелся на свое место. Однако не прошло и двух минут, слезы еще не высохли у него на глазах, а он уже, накинув архалук, по-прежнему гримасничал за спиною Мартына Багданыча.

На Вардана порка произвела сильное впечатление. Про себя он решил: никогда не попадаться инспектору под руку.

5

В первом классе Вардан проявил редкие способности. Научился читать по-русски и по-армянски и немного писать. Каждый вечер он при отце повторял уроки, и тот хвалил сына. И вдруг неожиданно мозг мальчика заупрямился, как своевольный осел на середине реки. Но так как Вардан от природы был настойчив, он вооружился бичом всемогущего терпения и принялся понукать мозг, безжалостно стегая его. То, что способным ученикам давалось без труда, Вардану стоило невероятных усилий. Лишь один предмет давался ему легко — арифметика.

Еще дома, то и дело считая свои деньги, Вардан недурно усвоил четыре правила арифметики. Соседом Вардана по парте слева был Минас, сын оружейника Карапета, светловолосый, безобидный, добрый и способный мальчик с болезненным лицом. Одевался он очень бедно: архалук из синего полотна на груди весь в заплатках; штаны того же цвета были так коротки, что поверх грубых шерстяных чулок выглядывали голые худые колени. Подпоясывался Минас плотным шерстяным кушаком — единственной вещью, защищавшей его от холода. Однако даже в лохмотьях он казался опрятнее

других учеников. Одноклассники его любили, потому что он ни перед кем не лебезил, ни перед кем не заискивал и никому не отказывал в помощи, если мог чем-нибудь помочь. Свой скромный завтрак—хлеб с сыром—он никогда не съедал, не поделившись с кем-нибудь из соседей. С первого же дня Минас помогал Вардану готовить уроки. Поэтому Вардан подружился с ним и, казалось, полюбил его, разумеется в той мере, в какой он был способен на подобное чувство.

Полной противоположностью Минасу был сосед Вардана справа, Мартирос, сын шапочника Атанаса. Плутоватые глаза под низким лбом, нос, похожий на вороний клюв, неприятный рот изобличали его лицемерную, завистливую и ехидную душонку. Любимейшими развлечениями Мартироса было щипать товарищей, изводить их, ябедничать начальству об их невинных проказах. В первый же день он два раза ущипнул Вардана, как бы испытывая — выдержит ли новичок соседство с ним? Вардан промолчал, но решил держаться начеку.

Теперь Багдасар велел сыну ежедневно после обеда приходить в лавку. Ему хотелось постепенно приучить Вардана к торговле.

Лавка помещалась в нижней части города, в крытом караван-сараяе, сравнительно небольшом помещении, разделенном надвое. В задней половине хранился товар в тюках, в передней помещалась сама лавка. Здесь товар лежал на полу, у стен: в те блаженные времена в Зилзиле не имели представления о современных полках. Обычно Багдасар усаживался посередине лавки на тюфячке или на корточках по-персидски, с аршином в руке, склонившись над поломанными счетами, напоминавшими зубы старика: многих костяшек не хватало. Вардан сидел у дверей на камне. При появлении покупателя он мигом вскакивал и, скрестив руки, ждал приказания отца. Вардан помогал Багдасару вскрывать тюки и завертывать проданный товар, подметал лавку, приносил покупателям воду, подавал огонь для трубок и вообще оказывал всякие мелкие услуги.

Вскоре Багдасар поручил сыну продать рогожу и веревки от недавно вскрытых тюков. Часть выручки Вардан должен был отдать отцу, другую опустить в свой ящичек. В этом деле Вардан выказал удивительные торговые способности. Завидя издалека покупателя, он со всех ног бросался к нему, по лицу угадывая, какой товар ему нужен. Свои рогожи, веревки и ящики Вардан расхваливал с редким жаром и усердием.

По вечерам Вардан закрывал лавку и, захватив ключи, возвращался домой с отцом. В эти минуты на лице мальчика появлялась озабоченность и серьезность, отличавшая его от беспечно сновавших по улицам ребятишек. Вардан сознавал свое превосходство: завидя сверстников, он начинал неистово звенеть ключами. Дома он часто расспрашивал отца о качествах того или иного товара, и купец восторгался, видя в сыне такую пытливость и любознательность.

Вскоре Вардан до того полюбил коммерцию, что начал в школе продавать ученикам все, что мог: орехи, каштаны, вареный горох, халву и т. д. Иногда Вардан, искрошив сухари, смешивал их с сахаром и продавал по копейке за щепотку. Торговля его занимала гораздо больше, чем школьные игры. Кривоносый Мкич издевался за это над ним. Неутомимый проказник сделался для Вардана «божьей карой». И чего только он не придумывал, чтобы подразнить купчика! Мкич вырывал у него из рук товар, убегал, забирался на школьную крышу, усаживался с краю, свесив ноги, и на глазах у Вардана уплетал его же «добро». Порой он собирал других учеников и делил с ними добычу. Потом каждому выдавал по бумажке с надписью «копейка» для расплаты с Варданом. Ученики смеялись и, прыгая вокруг Вардана, дразнили его:

— Купец, бери деньги за свой товар!

Но и это не обескураживало Вардана. Вопреки родительскому внушению, он чувал, что вражда к людям не приносит пользы и гораздо выгоднее дружить с ними. Поэтому Вардан старался ни с кем не порывать добрых отношений. В то же время он не забывал нанесенных ему обид и при

первом же удобном случае по-своему мстил за них. Однажды внук седельника, лохматый Левон, забыл взять с собой завтрак и, мучимый голодом, попросил у Вардана кусок хлеба и сыра. Когда-то Левон поднял Вардана на смех, и с тех пор тот затаил против него злобу. Вардан разломал свой хлеб на две части, положил на каждую по ломтю вкусного сыра и сказал: «На, бери». Не успел Левон протянуть руку, как Вардан швырнул хлеб в лужу: «Теперь бери и ешь!» — усмехнулся он и хладнокровно принялся уплетать свою порцию на глазах у голодного товарища.

Однажды Вардан принес в школу на продажу десять деревянных ложек. Смастерил их Осман, мастер на все руки. Чтобы расположить к себе кривоносого Мкича, Вардан подарил ему одну ложку: первый подарок, сделанный им в жизни! За это Мкич согласился продать остальные ложки.

— Кому ложку для мадзуна? Кому ложку для мадзуна? — орал он, бегая по двору. — Кому нужна ложка — две копейки штука!

За полчаса он продал все ложки, а выручку отдал Вардану.

В день пасхи Багдасар послал Мартыну Багданычу обещанную голову сахару и фунт чаю, прибавив полдюжины коленкорových носовых платков. Потом он соблаговолил лично посетить инспектора и поздравить его с праздником — это был единственный визит, сделанный им в тот день, не считая, разумеется, посещения Абраама-аги. Мартын Багданыч встретил гостя с глубочайшим почтением, но по-дружески упрекнул: свидетель бог, он бы не принял этих подарков, если бы не боялся обидеть Багдасара-агу.

Они заговорили о Вардане:

— Люблю я его, как свет очей моих. Мальчик очень покорный, сразу видно, что из хорошей семьи. До сих пор я ни разу на него руки не поднял. Не утаю, мне иной раз хочется заставить малышей попицать, а старших упрятать в карцер. Но ваш очень трудолюбив, клянусь Петром и Павлом. Курите, пожалуйста, табак отменный, настоящий дюбек из Самсуна. Мне присылает его отец одного из учеников. Сын у вас прекрасный, да хранит его господь. Никогда не поссорится с товарищами. Если драка — отойдет в сторону и

смотрит. Пусть даже режут друг друга — он ни-ни. Ну, а ежели его тронут, сразу ко мне с жалобой. Нравится вам табак? Отличный! Да, чуть не забыл, ведь я избавился от чирея. Вардан, вероятно, говорил вам — средство ваше исцелило меня за три дня. Нет, Вардан мальчик отличный. Знаете, он уже торговать начал. Ну да! Продает ученикам лакомства, зарабатывает себе денежки. Клянусь, такого малыша мне в жизни не приходилось видеть.

Провожая гостя до дверей, инспектор как бы невзначай спросил:

— Не найдется ли у вас синего кастора?

— Найдется.

— Пожалуйста, отрежьте мне кусок для брюк и пришлите с Варданом. Я, конечно, уплачу наличными. А то брюки у меня сзади совсем протерлись. Хоть это и неудобно, посмотрите сами!..

Мартын Багданыч, повернувшись, приподнял фалды мундира и показал изношенные места.

— Пришлю непременно, — ответил Багдасар, шепнув про себя:

«Чтоб тебе пусто было!»

6

Однажды добрый Минас на перемене спросил Вардана:

— Почему ты не приходишь ко мне?

Вардан помедлил с ответом. Было стыдно сознаться, что отец запретил ему дружить со сверстниками, тем более с сыном какого-то оружейника.

— Приходи завтра, — пригласил Минас. — Придешь?

— А что дашь, если приду?

— Что дам? — смутился Минас, не зная, чем можно привлечь Вардана.
— Ты мадзун любишь? У нас хорошая корова, ее доит мама. Каждый день мы кушаем мадзун, молочный суп, молочную кашу. Ты любишь это?

— Я люблю сливки.

— Сливки? Мать не дает нам сливок. Из них она делает масло и продает его. Но я попрошу, чтобы она оставила тебе сливок. Придешь?

Вардан не удержался:

— Но ведь я тебе не ровня.

— Почему?

— Ну, кто ты и, кто я? Мой папа говорит, что сын купца не должен дружить с сыном ремесленника.

— Да? — произнес Минас простодушно и, рассматривая золоченый пояс и блестящие сапожки товарища, покраснел. — А я не знал. Разве об этом написано в евангелии?

— При чем тут евангелие?

— Как же, отец каждый вечер читает его и говорит, что все на свете происходит по евангелию или библии. Значит, ты к нам не можешь прийти? Жаль!

Вардану не хотелось обижать своего добродушного соседа по парте, каждый день помогавшего ему готовить уроки, и он как бы невзначай спросил:

— А у вас и теленок есть?

— Конечно. Очень красивый и откормленный теленок. Я каждый день после обеда выгоняю его за город пастись. Там он жует так много всяких трав, что живот у него вздувается, точно два бурдюка.

— Завтра воскресенье — лавка закрыта, я подумаю, может быть и приду.

— Значит, я скажу маме, чтобы она оставила тебе сливки.

— А меня не позовешь? — вмешался завистливый Мартирос, слышавший этот разговор.

— Ты и без приглашения придешь, — усмехнулся Минас.

— Пускай завтра он не приходит, — шепнул Минасу Вардан, всей душой ненавидевший Мартироса.

— Чего бормочешь! — вскипел завистливый мальчик, ткнув его в бок согнутым большим пальцем. — А-а, понимаю! Я неугоден, потому что не купеческий сынок, да? Мой отец хоть и шапочник, но он выше, чем твой пра-пра-дедушка. А знаешь ли ты, какие важные люди бывают у нас в мастерской? Вчера сам околоточный заходил, понимаешь?

Вардан громко рассмеялся.

Домик оружейника Карапета стоял на окраине города, за ним виднелось лишь несколько изб. В домике две комнатухи, тут же, неподалеку, хлев и пекарня, служившая в то же время и кухней.

Вардана встретили с большим почетом.

Карапет, чистивший наждаком длинный ружейный ствол, отложил в сторону смертоносное оружие и встал, протягивая гостю загорбелые руки. Его жена Тагуи обняла и поцеловала Вардана: «Да хранит господь тебя, сынок, ради твоей матери». Это была женщина лет под тридцать, светловолосая, чернобровая, с красивыми глазами. Соседки вечно укоряли ее за то, что она не красится хной, как они: как знать, может быть, природный вкус подсказал ей, что светлые волосы резче оттеняют выразительность темных глаз и бровей.

Карапет взял длинный кинжал и принялся чистить его так усердно, как в опере «Риголетто» разбойник Спарафучиле чистит свой нож.

— Багдасар-ага — один из столпов нашего города, — сказал он, — наш долг почтительно относиться к нему. Жена, дай мальчику чего-нибудь покушать.

Карапет любил угощать ровесников сына. Почти каждый вечер, возвращаясь из мастерской, он раздавал уличным ребятишкам разные лакомства. И ребята любили этого круглолицего, щекастого и большеротого человека, который в сорок лет сохранил детское простодушие. Он был не только добр, но и терпелив, ласково обращался с женой, обожал детей. В грамоте он смыслил, потому что был из поповичей. Вечерами в свободные часы он громко читал по складам евангелие или библию, выделяя каждое слово.

Пришел Мартирос и, увидя, что Вардан стоит подле Карапета, тотчас же стал соображать, как бы подкрасться и ущипнуть своего недруга. Тагуи подала сливки и свежий чурек, наломанный руками на куски (ножом резать хлеб считалось грехом).

— Я тоже хочу сливок! — запищала в углу ее дочка, трехлетняя Эрикназ.

Вардан посмотрел в ее сторону и громко засмеялся. Сестра Минаса с годовалым братом Самсоном уписывали мадзун из одной тарелки. Руки Самсона, еще не изучившие самого короткого пути к желудку, прежде чем донести мадзун до рта, оставляли жирные следы на носу, на щеках, на лбу и на ушах. Ребенок до того измазался, что на лице остались не запачканными только блиставшие, как черный янтарь, глаза.

— Женушка, да ты полюбуйся на свою обезьяну, — сказал Карапет, улыбаясь.

— Ах, чтобы тебя черти забрали! — воскликнула Тагуи и, подойдя, слегка шлепнула малыша по мягкому месту.

Она убрала тарелку. Самсон, растянувшись на полу, поднял невероятный вой. Можно было подумать, что он угодил в кипяток. Вдоволь накричавшись, он встал, бросился на сестру и начал кусать ей шею, лицо и плечи. Покончив и с этим, он опустился на четвереньки и заголосил вовсю. Бог весть, чего бы натворил этот озорник, если бы мать не вытолкнула его в соседнюю комнату, изрядно при этом отшлепав.

Мячиком вкатился Мкич.

— Добрый день, мастер Карапет, отец тебе шлет целый мешок приветствий! — крикнул он задорно. — Как поживаешь? А для меня ты приберег мадзун, Минас? Ого, да тут и купец Вардан! Здравствуй, ага, ты что же, товар принес или деньги в рост отдавать? Эй, никудышный, и ты здесь? — обратился он к Мартиросу, уже успевшему раз одиннадцать ущипнуть и раз девять пихнуть Вардана.

— Не твое дело! — буркнул Мартирос.

— Что ты сказал? Не мое дело? — крикнул Мкич и в тот же миг вскочил. — И чего ты, пустомеля, лезешь туда, где на твою харю и смотреть никто не хочет? Ого, посмотрите, сливки кушает! Тетя Тагуи, а ну, отойди, — воскликнул шалун и, схватив ружье, приставил дуло к груди Мартироса.

Мартирос закричал, побледнел и спрятался за спиною Карапета.

— Не бойся, детка, ружье не заряжено, — успокоил его оружейник и поспешил отнять у Мкича страшное оружие. — Ну и ну, Мкич! Да ты не ребенок, а огонь!

Мкич занял место Мартироса и принялся быстро уплетать сливки. Покончив с едой, он стал упрашивать Карапета рассказать им про атамана разбойников Муллу-Гани, который в ту пору держал в страхе весь Зилзильский уезд. Карапет рассказывал про подвиги этого атамана так ярко и красочно, что слушатели замирали от страха.

Мгновенно Карапета окружили любопытные мальчики, готовые глотать каждое слово с такой же жадностью, с какой глотали сливки.

7

— Мулла-Гани — да обрушит господь его кров! — это, дети мои, не человек, а душегуб, — начал оружейник Карапет, проводя рукой по усам. — Не так давно он опять отрубил семьдесят голов, точно головки лука.

После такого вступления у ребят мурашки пробежали по коже. Дети наострили уши, а больше всех Мкич.

— С наступлением сумерек караван купца Абдурахмана остановился у горы Кзыл-даг, неподалеку от родника, — продолжал Карапет, теребя ус. — Сняли груз с двадцати пяти верблюдов, тридцати лошадей и с девяноста ослов. Сняли и пустили скотину пастись. Абдурахман приказал слугам сварить пилав. Не успели промыть рис, издалека показался верховой. Абдурахман, прикусив язык, хватается за ружье, делает шаг вперед и кричит: «Эй, кто едет?» — «Гость божий», — раздается в ответ. «Божьему гостю уготовано место в моем сердце. Салам алейкум!» — «Алейкум салам! Абдурахман, — говорит гость, — я голоден, дай чего-нибудь перекусить...» Абдурахман, голубчики мои, тотчас велит подать пилав. Верховой сходит с коня. Дальше — больше, и выясняется, что он купец, едет в Габристан закупать овец. Поели, ложатся спать. В караване было тридцать пять человек. Не успел Абдурахман

сомкнуть глаза, раздаётся топот. Он вскакивает и будит слуг. Туда-сюда, а верхового и след простыл. Вот ежели вы молодцы, угадайте — кто это был?

— Дьявол, — ответил Мартирос.

— Нет.

— Святой Саркис, — сказал Минас.

— Дуралей, — заметил Карапет.

— А я скажу кто — Мулла-Гани, — крикнул Мкич.

— Молодец, угадал! Он самый.

Мальчики в один голос ахнули.

— Теперь слушайте дальше, — продолжал Карапет, кроша сухие листья табака для трубки. — Это и был Мулла-Гани. Оказывается, он примчался, чтобы выведать, сколько в караване народу с ружьями и много ли добра.

— Ну и храбрец же он! — крикнули дети в один голос, только Мкич промолчал.

— Да, это лев, а не человек. Так вот, как только Мулла-Гани пронюхал, что в караване товару на несколько тысяч золотом, он в самую полночь вскочил на коня, отправился в лес, собрал товарищей и назад...

— А дальше, а дальше!..

— Первым делом привязал он Абдурахмана к дереву, потом поотрубал слугам головы, а там набросился на остальных: в один час пятнадцать голов долой, у одиннадцати распорол животы и выпустил кишки, тридцать шесть человек пристрелил, троих разрубил пополам и бросил собакам, двоих на куски искромсал, а десятка два-три замучил до полусмерти — кому ухо прочь, кому нос, кому язык.

— Чем, мечом или кинжалом? — поинтересовался Мкич.

— Саблей.

— Пятнадцать, одиннадцать, тридцать шесть, двадцать и тридцать, — повторял про себя Вардан. — Дядя Карапет, получается больше ста человек, а ты говорил, что в караване было тридцать пять.

— Ошибаешься, сынок! — с жаром отозвался Карапет; он и глазом не моргнул, уверовав в свою выдумку.

— Дальше, дальше, — повторял Мкич нетерпеливо.

— А дальше он всех обобрал и пустил нагишом. Товарами навьючил коней — и айда...

— Неужели в караване ни одного смельчака не оказалось? — воскликнул Мкич возмущенно. — Ну и трусы!.. Глаза его сверкали, щеки покраснелись под влиянием страшного рассказа.

— На месте Абдурахмана, — сказал Мартирос, — я подсыпал бы в пилав мышинового яду, подал бы Мулле-Гани, он бы съел и тут же окошел.

— А на сколько тысяч туманов товару похитил Мулла-Гани? — поинтересовался Вардан.

— Много, очень много, сынок. Говорят, одного золота было семь мешков.

— Вот жаль! — вздохнул Вардан. — Хоть бы один мешок попал мне в руки.

— Бедные, бедные люди! — отозвался Минас с дрожью в голосе. — Запели бы они «да воскреснет бог», сразу вокруг каравана выросло бы семь железных стен, и разбойникам не добраться до каравана.

Немного погодя дети вышли на улицу поиграть. Минас предложил подняться на ближайший холм. Захватили с собой теленка. Выходя со двора, Мкич вытащил из изгороди четыре хворостины для себя и товарищей.

— Понадобятся.

И впрямь вскоре они пригодились. Едва дети поднялись на вершину ближнего холма, им повстречалась толпа уличных мальчишек. И как назло в этот миг теленка потянуло на волю. Он вырвался вместе с веревкой из рук Минаса и убежал, легкомысленно задрвав хвост. Бежал он к желтой корове, видимо, приняв ее за мать. Уличные мальчишки сейчас же изловили теленка.

— Отпустите! — кричал Минас им издали.

— Если можешь — приходи и забирай, — раздалось в ответ.

Мальчишки стали мучить теленка. Один уселся ему на спину, другой тянул за уши, а остальные тыкали палками в брюхо. Положение становилось трудным: нужно было силой вырвать у них теленка, иначе озорники его замучают. Мартирос издали выкрикивал бранные слова. В ответ какой-то паренек швырнул камнем и попал Минасу в ногу.

Бедняжка вскрикнул от боли.

— Ребята, не трусьте! — воскликнул кривоносый Мкич. — Задержите-ка их, я сию минуту вернусь. И, припустившись со всех ног, он скрылся за холмом.

Вардан, дрожа от испуга, уже подумывал о бегстве. Мартирос продолжал ругаться.

Поручив теленка одному из товарищей, уличные мальчишки во весь дух помчались к Минасу и мгновенно окружили его. Все они были вооружены палками, выскобленными стеклом и натертыми маслом. Некоторые сняли чухи и обмотали ими в виде щита левые руки. Несмотря на опасность, Минас не отступил. Он так любил своего теленка, что готов был насмерть биться за него. Минас весь побледнел, глаза искрились, тощая грудь вздымалась.

На спину и плечи ему посыпались палочные удары, но мальчику удалось выбить из строя одного из врагов.

Их выводило из себя его бесстрашие. Между тем Вардан и Мартирос отошли подальше, чтобы при первой опасности бессовестно дать тягу. Минас был один, окруженный врагами, как олень сворой собак. Не представляя себе, как можно вернуться домой без своего любимца, Минас позвал товарищей на помощь, но тщетно. В драке рука его ослабела, но он не выпускал палки. Выбрав удобную минуту, он так хватил одного из наседавших мальчишек по голове, что палка переломилась. Тогда остальные набросились на Минаса, схватили его за горло, повалили и принялись топтать. Несчастный неистово закричал.

Вдруг из-за холма показался Мкич с двумя ровесниками.

— Урра, Мулла-Гани несется! — кричал он, устремляясь на врагов.

Уличные мальчишки пришли в замешательство и оставили распростертого на земле Минаса. Мкич сыпал удар за ударом. Нападение было неожиданным — враги начали отступать. Однако, куда бы они ни повернули, везде их настигали быстроногий Мкич и его сверстники. Тут Вардан и Мартирос тоже осмелели и приняли участие в свалке. Поднялся с земли и Минас. Уличные мальчишки удрали, но успели увести теленка.

— Не бойся, Минас, спасем твоего дружка! — крикнул Мкич и пустился за врагами в погоню.

К счастью, теленок, сильно брыкаясь, вырвался из вражеских рук и побежал снова, победно задрвав хвост. Мкич ухватил веревку на шее теленка и заорал:

— Ребята, урра!..

Разогнав врагов и освободив теленка, маленький «Суворов», усталый, запыхавшийся, растянулся на зеленой траве. Только теперь Вардан рассмотрел как следует двух его помощников: это были — пышноволосяй Левон, тот самый, над которым подтрунивал Багдасар в школе, и босоногий, полуголый мальчик по имени Саак, — один из уличных бродяг, с которыми Вардану строго-настрого было запрещено иметь дело.

— Я пойду домой, — буркнул Вардан.

— погоди, еще немного поиграем и пойдем все вместе, — сказал Мкич.

Однако Вардан не уступал. Наконец мальчишки поняли, что он не хочет оставаться с Сааком. Мкича это вывело из терпения. Он в душе давно уже возмущался чванством Вардана.

— Так тебе он не нравится, да? — молвил Мкич, привстав и сжимая в руке палку. — Заруби ты себе на носу, купеческое отродье: Саак десятерых стоит таких, как ты! Видел, как наши враги от него бежали? Другого такого храбреца не сыщешь. И к тому же он так умеет петь, что поп Саак рядом с ним ничего не стоит. А ну, Саак, затяни, пусть этот нечестивец послушает.

Не заставляя себя долго ждать, Саак оперся по-пастушечьи на палку и запел нежным, полудетским голоском.

— А ну-ка другую! — командовал Мкич.

Саак затянул на иной лад.

— Что ты на это скажешь? В тысячу раз лучше быть хорошим певцом, чем жадным купцом. Ну, протяни руку Сааку, а не то тресну тебя палкой по голове, — недаром меня зовут кривоносым Мкичем. Был бы ты настоящим товарищем, на кой прах мне твои деньги! Саак бедный! Ну что ж — его отец водовоз, денег у него, конечно, меньше, чем у твоего отца. Но Саак ради друга жизни не пожалеет. Ребята, урра, Мулла-Гани несется!

И, подняв палку, Мкич сбежал с холма. Все пустились за ним.

8

Голова сахару, фунт чаю и полдюжины коленкорových платков сделали свое дело: Мартын Багданых перевел Вардана в следующий класс без экзамена.

На следующий год Багдасар, отчаянно проклиная учителя в душе, опять внес положенную дань, зато Вардан на переводных экзаменах был объявлен не только прилежным, но и образцовым учеником. В тот день Вардан не помнил себя от счастья. Из школы он прямо побежал в лавку сообщить отцу радостную вестъ. Багдасар шутя шлепнул его по щеке: так выражал он свои отцовские чувства.

— А что ты мне подаришь? — спросил Вардан. Обычно, обласкав сына подобным образом, отец что-либо ему дарил.

— Узнаешь вечером. Время с полудня до вечера нашему герою показалось вечностью. Наконец Багдасар вернулся, напился чаю, позвал жену и сына и, достав из кармана кожаный кошелек, протянул Вардану:

— Вот тебе мой подарок.

Какое разочарование! Всего только кошелек? Вардан чуть не заплакал от обиды.

— Не нравится тебе? Открой и посмотри. То, что увидел Вардан в кошельке, чуть не свело его с ума: новая сторублевка.

— Это мне? — крикнул Вардан, как обезумевший.

— Тебе. Принеси теперь свою копилку, посмотрим, что она скажет.

На этот раз в ящике оказалось восемьдесят рублей.

— Все твое, — сказал Багдасар. — Итого сто восемьдесят рублей.

Такой капитал вряд ли имел в городе Зилзиле кто-нибудь из ровесников Вардана. Неудивительно, что мальчик шесть раз подпрыгнул и забегал из угла в угол, хлопая в ладоши.

— На эти деньги мы обвенчаем Мариам, — сказал Багдасар.

Вардан застыл на месте. Из его груди вырвался стон. Мариам уже была обручена, и через месяц ее собирались обвенчать с молодым купцом.

— Да, сынок, внеси свою долю и ты, — сказала Гюльюм, — пусть соседи диву даются, что ты не пожалел своих денег на свадьбу сестры. Все тебя будут хвалить.

Вардан не возразил отцу, но это не значило, что он молча согласился с замечанием матери.

— Пусть хоть тысячи сестер подохнут, как собаки, — ни копейки не дам! — заорал он иступленно.

— Сынок, побойся бога, что ты говоришь? — ужаснулась Гюльназ бессердечности Вардана.

— Да, пускай Мариам издохнет, как собака, я не хочу лишаться своих денег.

Багдасар в глубине души восторгался сыном. Мальчик, так крепко цепляющийся за деньги, не будет знать нужды; деньги катятся к тому, кто их любит и бережет как зеницу ока.

— Не бойся, — поспешил он успокоить сына, — я пошутил. Никто твоих денег не тронет. Я в этом году выпишу на них из Нижнего мешок товара для тебя.

Вардан не только ни копейки не истратил на свадьбу Мариам, но изловчился даже получить барыш. Когда «дружки» явились за невестой, он протанцевал перед ними. Гости дарили ему деньги, иные слюной прикрепляли

кредитки ему на лоб. Эти дары, по местному обычаю, после танца Вардан должен был отдать сазандарам, однако мальчик без малейшего угрызения совести опустил их себе в карман.

Спустя два месяца скончалась его бабушка — мать Гюльюм. Изобретательный Вардан даже и это печальное событие умудрился превратить в повод для наживы. В день похорон Гюльюм, тайком от мужа, дала сыну два рубля, чтобы он на рубль поставил свечей в церкви, а оставшийся роздал нищим в память усопшей. Вардан не сделал ни того, ни другого: два рубля он опустил в копилку, а в церкви только произнес молитву за упокой бабушки.

Изо дня в день увеличивая свой капитал, Вардан становился все предприимчивей и уверенней в поисках наживы. Его маленькая голова все время была занята мыслью о новых источниках дохода. Вместе с тем Вардан никогда не довольствовался тем, что имел. Теперь, когда у него был мешок собственных товаров, он производил бесконечные выкладки и подсчеты. Но какой бы удачной ни представлял он торговую сделку, выручка казалась ему недостаточной. Со временем все отцовское состояние стало казаться ему ничтожным. Иногда Вардан заглядывал в магазин Абраама-аги и воочию видел, до чего отстал в торговле отец: в то время как Багдасар продавал мануфактуру аршинами, Абраам-ага сбывал ее мешками.

— Папа, кто на свете самый богатый купец? — спросил он однажды.

— Морозов.

— А богаче его никого нет?

— Есть.

— Кто такой?

— Один еврей. Он до того богат, что дает в долг даже царям.

— Да ну! А сколько у него мешков золота?

— Эка штука мешок — у него целое море золота.

— Папа, а как его зовут?

— Урршид.

Вардан умолк и углубился в размышления. Минут через десять он очнулся.

— Папа, на чем этот Урршид умудрился нажить такие деньги?

— На красном туге и дрожжевой воде.

— Да неужели?

— Дед Урршида был кабатчиком при царе Наполеоне. В самый разгар битвы, когда уже некогда разбирать, что пьешь, раздавал солдатам вместо водки безобидное дрожжевое питье. Была же, значит, смекалка у человека: и деньги зарабатывал и солдатам не давал пьянствовать, чтобы они лучше воевали.

— А где живет Урршид, папа?

— Во Франгистане².

— Интересно знать, чем он питается?

— Жареными лягушками.

— Лягушками? — вскрикнул Вардан. Он не верил своим ушам. — Тьфу!

— Во Франгистане все знатные люди едят жареных лягушек. Потому-то там цена лягушке — десять золотых за штуку.

— Десять золотых? Ой-ой!..

Вардан опять погрузился в размышления.

— Папа, — очнулся он вдруг, — сколько дней надо ехать отсюда до Франгистана?

— А кто его знает, — сорок, семьдесят, а может быть, сто пятьдесят дней. Зачем ты спрашиваешь?

— Да так. Можно ли отсюда повезти туда товар?

— Смотря по тому какой.

— Лягушек.

— Ну и скажет же!.. — У нас тут лягушек тьма-тьмущая, только собирай. Можно несколько верблюжьих караванов отправить во Франгистан на продажу?

² Франгистан — Франция.

— Они у тебя сгниют по дороге.

— Вот этого-то я и боюсь. Но можно заказать большие бочки и везти лягушек в воде?

— Брось ты, бога ради, — этак посмешищем станешь...

9

Богатство Уррида не давало Вардану покоя. Присочинив к отцовским легендам еще и свои, он стал рассказывать их в школе, выдавая все это за чистую правду. Однажды, когда он описывал усыпанные алмазами одежды Уррида и его золотостенные дворцы, его случайно услышал ученик второго класса Даниел Далбашян, сын Абраама-аги, — широколицый, большеротый юноша, добросердечный и не лишенный юмора.

— Что ты путаешь, Вардан, — заметил он со смехом, — его зовут не Уррид, а Ротшильд.

В другой раз, когда Вардан опять заговорил о знаменитом богаче, Мкич спросил:

— Кто важнее — твой Уррид или полковник?

— Конечно, Уррид.

— Вот так ляпнул! Ежели полковник прикажет своим солдатам, они выпустят кишки твоему Урриду.

— Важнее Уррида и полковника — епископ, — вмешался Минас.

— Тоже сказал! — засмеялся Вардан. — Да мы продаем епископу парясу материю всего по три рубля аршин.

— Ты про епископа так не смей говорить, не то я расскажу Мартыну Багданычу! — вмешался подлиза Мартирос.

Возможно, спор обострился бы и вынудил Мкича попытаться кулаками убедить товарищей в том, что важнее полковника никого нет на свете, но всех отвлекли звуки музыки. Пышноволосяй Левон на самодельном инструменте играл какую-то забавную песенку. Интереснее всего был самый инструмент — высушенная корка тыквы с натянутыми вместо струн конскими волосами.

Играл Левон до того здорово, что товарищам показалось, будто он играет на сазе. Все обступили «артиста». Мкич сейчас же достал из кармана деревянный гребешок, обернул его клочком бумаги и, водя по губам, стал вторить Левону. Потом он попросил его сыграть плясовую и пустился откалывать танец «транги». Кто-то выбивал такт на парте, остальные хлопали в ладоши. Вскоре танец сменился неистовыми прыжками, и в классе поднялся невероятный шум и гам.

В разгар веселья в класс вошел человек с выбритой шеей и красной бородой. Это был Мулла-Нурулла, уроки которого почти никто не посещал.

— Ну и ну! — пробормотал учитель подбоченясь. — Чью это свадьбу вы справляете?

Мкич продолжал подпрыгивать на месте. Глаза муллы налились яростью. Мальчишки совсем не боялись его.

Учитель хотел было поймать Мкича, но тот ловко ускользнул и выбежал из класса. За ним побежали остальные. В руки Муллы-Нуруллы попался неповоротливый молоканин, и учитель стал срывать на нем злобу. Держа ученика за шиворот, он беспощадно колотил несчастного.

— Ребята, давайте освободим Митюшку! — крикнул Мкич и бросился в класс на выручку товарища.

Митюшка вырвался, зато в руках муллы очутился Мкич. К его счастью, в эту минуту вошел привлеченный шумом инспектор. Он даже не удивился. Почти ежедневно у муллы бывали подобные стычки, и, видимо, за это он получал из государственной казны по триста рублей в год.

— Мулла, опомнись, довольно, мулла! — крикнул инспектор, не без труда вырывая Мкича из рук учителя.

Выпустив жертву, Мулла-Нурулла едва отдышался:

— Мартын Багданых, свидетель аллах, напрасно у нас в городе открыли школу. Тут все ослы и дети ослов. О каком учении, о какой грамоте может быть речь — хлев им нужен, а не школа.

Ученики поодиночке возвращались в класс как ни в чем не бывало.

Садясь на свое место, Вардан заметил на полу что-то блестящее, поднял и спрятал в карман.

Во время перемены Митюшка плакал навзрыд: когда его пороли, с пояса у него сорвалась и пропала серебряная пуговка. Все ученики клялись, что не видели пуговики.

Поклялся и Вардан.

10

Спустя год, в конце лета, на Багдасара неожиданно нашла странная меланхолия. Впрочем, он никогда не отличался особенной жизнерадостностью, но теперь стал положительно невыносим. По вечерам, возвращаясь домой, едва успев переступить порог, он призывал Османа и начинал грубо его отчитывать без всякой видимой причины.

Входя в комнату, Багдасар набрасывался на жену, укорял ее за какие-то воображаемые упущения. Он поносил жену и родню ее, порой добираясь до седьмого колена. Торопясь, обжигая губы и пальцы, выхлебывал он с блюдца свой чай и тотчас же спешил уединиться в одной из четырех комнат, где при тусклом свете единственной свечи долго щелкал на счетах, раздумывал, кряхтел, вздыхал, стучал пальцем по лбу и кусал усы. Порою он внезапно вскакивал и быстрыми шагами начинал ходить взад и вперед, жестикулируя, как провинциальный трагик. В эти минуты с уст его срывалась такая брань, какую жители Зилзила вряд ли слышали когда-нибудь. Кого он так честил — и за что — знал только он один. Огненный взор Багдасара блуждал по комнате, словно настигая человека, вызвавшего его ярость.

Гюльюм ломала голову, но никак не могла объяснить себе этой перемены в супруге. Спрашивала она Вардана, но и тот ничего не знал. Гюльюм как-то попыталась расспросить Багдасара, но не успела она раскрыть рот, как осеклась: Багдасар топнул ногой и приказал ей замолчать. Тогда Гюльюм отправилась к дочери и попросила ее через мужа навести какие-нибудь справки о делах Багдасара. Но и тут Гюльюм ничего определенного не

добилась. Между тем Багдасар становился все более несносным. Теперь уже с ним ни о чем нельзя было говорить. Он выходил из себя даже по утрам, когда жена спрашивала его, что готовить на обед. Даже походка, вздохи и шепот несчастной раздражали его.

Однажды вечером, едва Багдасар вернулся из лавки, пришел Абраам-ага. Он никогда без серьезной причины не переступал порога этого дома. Но теперь (и это не ускользнуло от глаз Гюльюм) он был чем-то сильно взволнован. Абраам-ага сейчас же прошел с Багдасаром в соседнюю комнату и закрыл за собой дверь.

Гюльюм не решилась подслушать их разговор, но Вардан не сумел сдержать любопытства.

Вначале Багдасар и Абраам-ага беседовали спокойно, и Вардан потерял надежду что-нибудь разобрать. Но постепенно разговор становился все громче, и маленький шпион услышал:

— Так вот, я тебе говорю: пара двугривенных за рубль — деньги не плохие, получай и уймись, — убеждал Абраам-ага.

— Четыре двугривенных за рубль, и ни копейки меньше! Понял?

— Да нет у меня их, нет, слышишь?

— У вас есть деньги, много денег!

— Ладно, получай сорок пять копеек за рубль. Богом клянусь, больше не могу!

— Четыре двугривенных за рубль, четыре двугривенных, не меньше! — настаивал Багдасар.

— А ежели я ни копейки не дам, что ты со мною сделаешь? — вскричал Абраам-ага таким дьявольским голосом, что даже у Вардана по спине пробежала дрожь.

— Что я тебе сделаю? — процедил сквозь зубы Багдасар. — Этими руками сперва тебя задушу, потом себя...

— Коли так, ни копейки не дам!

На минуту все смолкло, и Вардану показалось, что отец в самом деле набросился на Абраама-агу и душил его. Мальчик весь затрясся.

— Абраам, — раздалась наконец мольба Багдасара, — не разрушай моего очага!

— Разрушится мой дом — развалится и твой.

— Если уж на то пошло, не будет грехом засадить тебя в тюрьму.

— Сажай, что поделаешь, — посижу..

— Абраам, не делай этого, есть бог, и он поразит тебя небесным огнем.

— Я не первый и не последний, таких, как я, — немало.

— Нет, нет, напрасно ты все это затеял!

— Не тяни! Хочешь сорок пять копеек за рубль?

— Ни за что!

— Прощай!

— Абраам!

— Потом будешь рвать па себе волосы и вопить на весь Зилзил.

— Абраам!

— Я не могу больше ждать!

— Так вон, вон отсюда, бесстыдник, выродок, собачьей кровью вспоенный! Убирайся, и пусть твои предки до седьмого колена перевернутся в могиле!..

Вардан мигом отскочил от дверей и сжался в углу. Двери распахнулись, и Абраам-ага вышел. Если бы комната была хорошо освещена, Вардан увидел бы, что в лице его почтенного крестного нет ни кровинки, ноздри дрожат, а в глазах — отчаяние.

Страшный вечер сменила бессонная ночь. Вардан все ворочался в постели, вздыхал, прислушивался к каждому звуку за дверью отцовской спальни, но там все было тихо. Кое-что Вардан понял из слов Абраама-аги, остальное рассказала ему мать. Отец теряет весь основной капитал, значит и Вардан лишится своих денег. Между тем еще вчера он считал себя богатым. Теперь все поднимут его насмех. А как обрадуется прохвост Мартирос!

Он уснул лишь на рассвете. Открыв глаза, Вардан увидел у постели отца и сразу же спросил:

— Отдаст Абраам-ага наши деньги?

Багдасар был бледен, веки опухли от бессонницы, лицо выражало страдание. Он странным взглядом посмотрел на сына и не своим голосом произнес:

— Стань волком, волком стань, чтобы тебя не съели!

Потом присел на постель сына и добавил:

— У Абраама нет ни бога, ни закона, ни стыда, ни чести. Он собака. Брат брату так не доверял, как я ему.

Багдасар замолк, опустил голову, потом продолжал, как бы рассуждая сам с собой:

— Вместо шести тысяч пятисот рублей — две тысячи восемьсот! Почему? На каком основании?

— Мои деньги тоже пропадают? — спросил Вардан.

— И твои, и мои, и все наше добро. Бог отнял у меня разум. Только бы не остаться совсем голым. Ведь он мне за рубль и сорока копеек не даст, знаю, не даст...

Багдасар внезапно вскипел. Рассудительность сменилась яростью. Сорвав с головы папаху, он ударил ею об пол и заорал:

— Вардан, растопчи, растопчи мою папаху! Я не человек, коли не могу задушить этого беспутника, втоптать его в землю!..

Прошло немного времени, Багдасар чуть успокоился, отправился на базар и вернулся только под вечер. Абраам-ага, выведенный из себя вчерашними оскорблениями, наотрез отказался дать и по сорок копеек за рубль. Теперь он уже не давал ни копейки.

— Вардан, — сказал отец, — послушай меня. Одному господу известно, перенесу ли я эту боль, но, ежели ты мне сын, крепко сохрани в памяти то, что услышал вчера. Не верь никому на свете, гроша никому не давай без залога. А вырастешь, собери все наше добро и начинай свое дело. Ты должен

разбогатеть! Знаешь зачем? Чтобы отомстить за мою гибель хоть детям Абраама. Пускай он прикарманит мои деньги, но пусть и его дети станут нищими. Слышишь? А встретив их на улице, плюй им в лицо... Слышишь? Дай слово, что исполнишь мой завет, иначе я прокляну тебя из гроба!..

Гюльюм вздрогнула от ужаса. Слова мужа пророчили Вардану мрачную судьбу. Ее миролюбивая, всепрощающая душа восставала против этого жестокого родительского завета. Гюльюм глядела на сына: какое впечатление произвели на него отцовские слова? В лице тринадцатилетнего подростка не было в эту минуту ничего детского, свойственного его возрасту. Вардан слушал молча, внимательно, не сводя глаз с отца. Каждое слово, казалось, навсегда запечатлелось в его памяти.

Никогда еще со дня рождения мысль его не работала так напряженно, как теперь. Сердце Вардана было переполнено злобой, и слова отца лишь раздували тлеющий огонь. Он опустился на колени перед отцом, взял его руку, поцеловал ее и приложил ко лбу. Смысл этой сыновней почтительности мог быть выражен словами: «Я исполню твой завет».

11

Цирюльня мастера Погоса находилась в центре города, в одном из полуразвалившихся домишек. Это была небольшая комната без обоев, с почерневшим от копоти потолком и кирпичным полом, покрытым несмываемой грязью и волосами. В единственном окне давно не было стекол, и их заменяла промасленная бумага. Разбитая и кое-как починенная дверь напоминала залатанную одежду нищего.

Вдоль трех стен тянулась деревянная скамья: она заменяла всю мебель, если не считать старинного кресла пуда в три весом. На скамье рассаживались завсегда — кто поджав ноги, кто опустив их на пол. Они обсуждали новости дня под щелканье ножниц мастера Погоса. Это был своего рода парламент, где подчас затрагивали крупные вопросы — политического, военного, а чаще религиозного характера. Когда темы бесед иссякали, члены

парламента развлекались шутками, колкостями, остротами и, подобно разыгравшимся детям, брызгали друг на друга водой, толкались и громко хохотали.

В воскресный день погода стояла холодная и мокрая. Посредине цирюльни дымился мангал. Все были необычайно оживлены и взволнованы. Мастер Погос только что сообщил весьма любопытную и неожиданную новость.

Абраам-ага Далбашян, первейший купец, предмет всеобщей зависти, один из столпов города, обанкротился. И как этот умный осторожный человек не сумел справиться со своими делами — уму непостижимо!.. Тут безусловно что-то кроется.

По поводу этого первым высказался бывший бакалейщик, а теперь просто бездельник Сагател.

— Мастер Погос, выкладывай, что знаешь, а уж мы там разберемся, — обратился он к цирюльнику.

Хитрец догадывался, что мастер Погос знает больше, чем рассказал, только не хочет говорить все сразу. Весь «парламент» впился глазами в цирюльника. А он, чтобы разжечь любопытство, сперва долго откашливался, потом вытер глаза, слезившиеся от дыма, и, наконец, достав из мешочка на поясе бритву, принялся править ее, водя по ремню.

— Абраам-ага, — начал он наконец, стараясь насколько возможно придать своему тупому лицу таинственность и сосредоточенность, — не сразу обанкротился. Уже месяцев шесть как хребет у него ослаб, хоть он это и скрывал...

— А причина-то какая?

— Причина? Гм, причина? Ведь человек же он, и человек большой, а у каждого большого человека своя прихоть.

— Как так?

Погос лукаво поглядел на Сагатела.

— Говорят, теперь банкротство входит в моду. Началось это в Карабахе. Слава тебе господи, есть еще на свете люди, которые добродетель ставят превыше денег, но есть и недовольные тем, что послал им бог.

Высказав эту глубокую мысль, мастер Погос спрятал бритву в мешочек, вытащил другую и стал точить ее с еще большим усердием.

— Мастер Погос, — отозвался Сагател, — мы тоже занимались торговлей, и кое-что смекаем. Ты рассказывай, а мы послушаем.

Цирюльник помешал кочергой угли в мангале. Дым немного улегся, а веселый треск огня настроил всех на бодрый лад. Шелковод Антон раньше всех уразумел затаенную мысль Погоса и Сагатела.

— А разве не могло случиться, — протянул он, обсасывая чубук и вытирая мокрые усы, — что Абраам-ага присвоил чужое добро? — И, сплюнув сквозь зубы в мангал, он вновь набил трубку.

Мастер Погос ничего не ответил. Остальные, кроме Сагатела, запротестовали, особенно дьякон Николай.

— Ложный банкрот! Абраам-ага ложный банкрот? Нет, это совсем не умно. Абраам-ага самый благородный человек в городе. Вот уже двенадцать лет он церковный ктитор и девять лет гласный. И как это люди смеют бросать тень на его доброе имя?

— Дьякон, — заметил Антон, от души ненавидевший Николая, — я вижу, чай внакладку у Абраама-аги пришелся тебе по вкусу. Но хватит, полно тебе ершиться.

— И кто не собьется с пути, если в доме у него орудует сатана, — вставил цирюльник Погос, продолжая возиться с бритвой. — Нашептывал бы он тебе день и ночь на ухо: «А ну, не прозевай», — может, и ты бы сбился с толку.

Айрапет Арапетян, летом каменщик, а зимой безработный, тоном мудреца поучительно заметил, что благочестивого христианина, если в нем нет греховных задатков, никакой сатана не одолеет.

— Сатана сатане рознь, — не соглашался Сагател. — Вот не успел мастер Погос рта раскрыть, а я уже понял, откуда ветер дует.

— Молодец! — похвалил цирюльник. — Ты, видать, отлично знаешь брата Абраама-аги Исраела.

Имя Исраела вызвало общий взрыв негодования. Этот еще молодой купец в глазах городских старожилов был человеком подозрительным. Смущала его необычайная тяга к новой моде. Он не только носил крахмальную сорочку и скрипучую обувь, но даже жену заставлял вместо архалука и широких шаровар надевать какой-то дырявый мешок и показываться на улице с открытым лицом. Каждый год Исраел привозил из Москвы какую-нибудь новинку и осквернял ею город. В этом году он вернулся с подбритыми усами и клочком волос на подбородке, точь-в-точь как фокусник, который на бульваре заставлял плясать собак.

— Вот именно, дружище, этот собачий танцмейстер Исраел и подстраивает все, — осмелился наконец подтвердить мастер Погос. — А что до Абраама-аги, он человек безупречный.

— Да осенит господь твои уста, так бы ты и сказал сразу! — воскликнул Антон. — И чьи же это деньги он того?..

— Морозова. Не меньше тридцати тысяч.

Весь «парламент» ахнул от удивления, до того огромной показалась всем эта сумма.

— Однако ловкач он! — пробормотал Сагател как бы с иронией, в глубине души завидуя Абрааму-аге.

— А ты вот что расскажи, из-под кого в нашем городе он вытаскивает тюфячок? — спросил Антон.

— Из-под одного купца, — ответил мастер Погос, — ловко, по всем правилам.

— Кто же он?

— Багдасар.

— Это свинья-то?

Во всем «парламенте» не нашлось никого, кто бы посочувствовал Багдасару. От Багдасара пользы никакой. Разделил он с кем-нибудь кусок хлеба? Кому-нибудь в жизни своей помог на копейку? Из дому в лавку — из лавки домой: нигде его больше не видно, даже в церкви. Только и знает — всех ругать. Жалеть его не стоит, а обчистить — не грех. Молодец Абраам-ага.

«Парламент» еще долго продолжал бы костить Багдасара, но вдруг в цирюльню ворвался запыхавшийся Вардан.

— Мастер Погос, папа зовет тебя!

— А что случилось, сынок?

— Он заболел, надо поставить ему пиявки.

— Ой, ой, бедняга, — раздался хор льстивых голосов.

Цирюльник поспешно захватил банку с пиявками, медный тазик и вышел вместе с Варданом.

— Дьякон Николай, — молвил Антон, — выпей уксусу для аппетита, скоро поминальный обед будет.

12

Цирюльник Погос застал Багдасара в постели. Час назад несчастный отправился к Абрааму-аге окончательно выяснить положение дел. Получаса не прошло, как он вернулся, схватил заржавленный кинжал и собрался было бежать назад к Абрааму, чтобы убить его. Гюльюм силилась удержать мужа, но Багдасар, оттолкнув ее, бросился к дверям. Внезапно руки его ослабели, голова поникла, кинжал выпал, и Багдасар грохнулся без чувств. Гюльюм поспешила расстегнуть ему ворот архалука и окатить водой. Но это не помогло. Мать и сын кое-как перенесли его на постель.

Погос сейчас же приступил к делу. Прежде всего с помощью Османа он перевернул больного лицом вниз и начал «отворять кровь». Намочив вату в спирте, он зажег ее и, положив больному на спину, быстро прикрыл стаканом. Повторив это несколько раз, он взял бритву и принялся делать надрезы на обожженных местах. Потом, повернув больного на бок, приставил к шее

пятнадцать крупных пиявок. За полчаса пиявки насытились до того, что, раздувшись, одна за другой отпали и свалились, точно спелые плоды, на волосатую грудь Багдасара.

Больной перевел взгляд на жену. В глазах его было столько глубокого страдания, что у Гюльюм сердце защемило. Стало ясно, что несчастный сознает всю опасность своего положения. Потом жена узнала, что в тот день Абраам-ага принял Багдасара очень грубо и даже говорить с ним не захотел. В ответ Багдасар начал корить его при жене и детях и наконец плюнул ему в лицо. Тут Абраам-ага крикнул сыновьям, чтобы они гнали Багдасара в шею, а Израел начал насмехаться над ним.

Гюльюм сокрушенно смотрела на мужа и качала головой. Двадцать лет прожила она с этим человеком, двадцать лет находилась под его железной пятой. Как рабыня, она во всем ему подчинялась, заглушая в себе все желания и чувства. И вот теперь, когда надо было проявить самостоятельность, бедняжка растерялась и глядела на своего деспота, по-прежнему ожидая приказаний. Никогда Гюльюм не была счастлива с Багдасаром, но и не могла представить себе, что может быть счастлива без него. Долголетняя привычка повиноваться заменила ей чувство любви, и как она ни страдала под властью мужа, однако сознавала, что всем своим существом слилась с ним.

— Чего ты хочешь, скажи? — повторила Гюльюм с горечью.

Никакого ответа. Губы деспота посинели, сжались, замкнулись, как железные дверцы, и никто не знал, что происходит с ним. Багдасар не сводил глаз с жены и сына. Этот упорный застывший взгляд таил нечто страшное. От него стыла кровь в жилах Гюльюм.

Мастер Погос применил последнее средство: он велел Осману зарезать черную курицу, внутренность зарыть, а тушку принести. Цирюльник разрезал курицу и внутренней стороной приложил к груди больного. Черная курица должна была впитать неизвестную болезнь...

Пришла Мариам с мужем и, швырнув шаль на пол, бросилась к отцу. Она неистово завывала, колотя себя в грудь. Багдасар глубоко и тяжело вздохнул. Значит, он умирает? Неужели? Умирает, не вымолвив ни слова?

Больной глухо, прерывисто зарыдал.

Муж Мариам, Стефан Порсохян, осуждал средства цирюльника. С того дня как Стефан Порсохян расстался с азиатскими шлепанцами и сменил их на европейскую обувь, он усвоил манеры полупросвещенного горожанина, еще более отвратительные, чем полное невежество.

— Изрезал ты человека, как скотину, и, думаешь, он поправится? Пора вышвырнуть все эти бритвы и пиявки. Откройте глаза, несчастные, и оглянитесь на мир! Теперь есть врачи, которые даже покойников ставят на ноги. Нам нужна наука, а не... цирюльники. Ну, чего ты уставился на меня, мастер Погос? Выпустил из человека ведро крови, а теперь не знаешь, подымется ли он на ноги? Я сейчас же схожу за врачом.

Весь день Багдасар лежал в том же положении, неподвижно растянувшись, словно дерево, вырванное с корнем. Никакой перемены ни к лучшему, ни к худшему: те же сжатые губы, те же налитые кровью глаза и беспредельное страдание на осунувшемся лице.

Под вечер Стефан вернулся с единственным городским врачом, глухим стариком. Скучный запас давних знаний успел выветриться из его седой головы. Понадобились значительные усилия для того, чтобы рассказать ему о внезапном недуге больного и о примененных лечебных средствах. Это особенно туго давалось Стефану, употреблявшему выражения, которых тщетно было бы искать в русском словаре. Врач, почти ничего не разобрав, молча написал рецепт и ушел.

По сторонам изголовья больного сидели Гюльюм и Мариам со скрещенными руками. Время от времени Гюльюм тяжело вздыхала и утирала слезы концом шали. Вообще она ничего не решалась предпринять, а только плакала и страдала: это не требовало воли. Гораздо больше усердия проявляла Мариам: она меняла больному компрессы на груди, в положенное время

вливала ему в рот лекарство. Иногда без нужды поправляла подушку или одеяло, надеясь хоть этим облегчить страдания отца. Но тщетно старалась она прочесть в глазах несчастного, чего ему хочется. Мариам успокаивала мать: «Ничего, все пройдет, человек он вспыльчивый, от гнева кровь ударила в голову, вот успокоится и поправится». Гюльюм в отчаянии качала головой: разве дочери не известно, что терзает Багдасара, ребенок она, что ли?

Вечером, наконец, рискнули прийти сестры Гюльюм со своими супругами и даже кое-кто из соседей. Своими никчемными расспросами и полуфальшивым сочувствием они только усугубили муки Гюльюм. У иных даже хватило бесстыдства спросить, какое наследство оставит Багдасар сироте. О боже, Гюльюм ничего не знает, оставьте ее в покое!

Одна из соседок говорила: Багдасара, наверное, околдовали черти, и нужно позвать колдунью, пусть она разворожит больного и выгонит бесов.

Это предложение вызвало смех только у мужа младшей сестры Гюльюм — Давида Даниеляна, ревностного лютеранина.

— Сестра Шушан, — обратился он к женщине, — в большой грех ты впадешь, в большой грех! Наша судьба и наше спасение в руках Иисуса. Молись, сестра Гюльюм, молись, все мы можем спастись только молитвой. Господи, помоги нам! — он тут же сложил ладони, склонил голову набок и с усердием новообращенного, возведя глаза к небу, начал молитву: — Господи, прости прегрешения раба твоего брата Багдасара! Молись про себя, брат Багдасар, Иегова, испытывая веру праотца Авраама, не принял жертвы... Брат Багдасар, бог Авраама, Исаака и Иакова поможет тебе, молись...

Удивительное дело! Больной, до того времени хранивший молчание, вдруг вздрогнул и прохрипел, впиваясь долгим, острым взглядом в лютеранина:

— Молчи, фарисей!..

Никого из родных Багдасар так не ненавидел, как Давида Даниеляна. Багдасар постоянно повторял: раз человек изменил вере предков, он и родного

брата продаст. Вообще Багдасар считал лютеранство неверием и не стеснялся даже на рынке поносить вероотступников.

Неожиданно вернувшаяся к больному способность речи вызвала общее замешательство. Мариам от радости вскрикнула, Гюльюм и Вардан бросились к больному и впились в него глазами. Гости изумленно переглянулись. Только один Давид Даниелян не растерялся. Он то и дело повторял: «Иисусе, да будет благословенно имя твое».

— Вон, вон этого неверного! — заревел больной.

— Брат Багдасар, ты грешишь... — ответил ревностный лютеранин, — лучше помолись и вспомни Иова многострадального. Его лицо и тело загнивали, рот был полон червей, однако он продолжал молиться. Молись, страдая, и душа твоя попадет в рай, молись...

И тут будто вновь произошло чудо! Больной порывисто поднял голову и присел. Теперь щеки его посинели, жилы на шее необычайно вздулись. Путы, сковывавшие его язык, окончательно разорвались, и из уст больного вырвался неудержимый поток проклятий. Отчитав как следует ненавистного вероотступника, Багдасар обрушился на прочих гостей и каждому воздал по заслугам: помянул их родителей и предков, не пропустив даже дальней родни. Помолчав с минуту, он излил запас желчи на семью Абраама-аги и на весь его род. Исступление Багдасара дошло до апогея: он стал задыхаться, на губах выступила пена, лицо страшно посинело, и он, как подстреленный, свалился на подушку.

— Господи, помилуй этого человека! — произнес Давид Даниелян.

— Гюльюм, ведь твой муж умирает, — встревожились соседки, — пошли скорее за священником.

Схватив шапку, Вардан выскочил на улицу.

Ночь была холодная и темная. В другое время Вардан в такую погоду ни за что не пошел бы один, но на этот раз ему было все равно. С самого утра сердце его изнывало под тяжестью внезапного удара.

Итак, отец умирает, и он останется беззащитным сиротой. Абраам-ага втерся в доверие, обманул несчастного старика и присвоил его деньги и деньги Вардана. Те самые вожделенные, заветные деньги, на которые он возлагал столько надежд. Ах, с каким усердием и любовью Вардан копил их! Как он умолял отца каждый вечер хоть несколько копеек опустить в копилку! Как он день и ночь заставлял Османа обтачивать ему ложки для продажи, обманывал товарищей и отказывал себе во всем, как он, не останавливаясь перед ложными клятвами, старался сбыть свои негодные рогожи, веревки и разбитые ящики!

Еще несколько дней назад в голове его родились всевозможные планы, как удвоить, утроить, удесятерить свой капитал. Он даже ощущал незримую связь между собою и предметом своих грез — Ротшильдом. Конечно, он не говорил об этом никому. И вдруг все надежды рушатся. Он сирота, а мать, забитое, бессловесное существо, своими горькими воплями только растрavляет его рану. Овдовев, эта женщина повиснет у него на шее тяжким бременем. Изволь-ка ее прокормить. И какая нужда детям в таких матерях? Родили их, вырастили — и довольно, а сами пусть умирают!

«Стань волком, волком стань, чтобы тебя самого не съели!» — слова отца гудели в ушах Вардана, как утренний звон колоколов в ушах богомольцев. Быть волком! Нет, этого мало, надо стать змеей, тигром, скорпионом, лишь бы отомстить бессовестному, противному, мерзопакостному Абрааму. И не только ему, а и его брату, и детям, и внукам, всему их роду. Ах, дождется ли он тех счастливых дней, когда сумеет исполнить завет отца и при помощи денег получит власть? Наступят ли эти дни? Обязательно наступят! Тогда он никого не пожалеет, ни друзей, ни родных...

Жажда мести бушевала в юном сердце Вардана, не давая ему покоя.

Не успел Вардан очутиться на улице, как услышал свое имя. В густой зимней мгле из-за ворот вынырнула тощая фигура.

— Не бойся, это я, — раздался тихий юношеский голос. Пряча от холода руки за пазуху и дрожа всем телом, Минас подошел к Вардану.

— Как отец? — спросил он.

— Умирает.

Минас охнул и отступил на шаг: призрак смерти вызвал в нем ужас.

— О-о, одному тебе будет страшно, пойдем вместе к священнику. Знаешь, я уже час стою у калитки: поджидаю кого-нибудь, чтобы спросить о твоём отце. Меня послал папа, но я побоялся войти. Отчего умирает твой бедный отец?

— Его убили! — прошептал Вардан, заскрежетав зубами.

Минас вздрогнул.

— Кто?

— Абраам-ага.

И Вардан рассказал все. Он клял бессовестного обманщика страшными словами, только что услышанными от отца.

— Ну-ну-ну! — остановил его Минас, никогда никого не осуждавший. — Поносить человека — грех. Ты молчи, а уж господь сам накажет Абраама-агу.

— Брось! Все господь да господь! Если бог наказывает негодяев, пускай он сейчас, сию же минуту покарает Абраама, чтобы сердце мое успокоилось.

— Воры, убийцы и разбойники на том свете понесут кару в геенне огненной.

— Ты говоришь, словно поп. Что значит на том свете? Не надо мне того света. Лучше на этом свете пожить хорошо, а уж потом пусть берут мою душу куда хотят. Дурак ты этакий, если на то пошло, — никакой другой жизни нет.

— Что ты говоришь? — испугался Минас.

— Ну да. Рай и ад — все это сочинили для бедняков, чтобы утешить их, понял?

— Вардан! Вардан! — воскликнул Минас, ужасаясь нечестивыми речами товарища. — Тебя бог накажет, покайся!..

— Дурак! — повторил Вардан с презрением.

В это время они проходили мимо дома Абраама-аги. Вардан на минуту остановился, посмотрел в окно, откуда лился на улицу желтоватый свет лампы. Это было двухэтажное здание почти в европейском стиле. Узкие окна нижнего этажа были защищены железными решетками, окна наверху большие и без решеток.

Абраам-ага с семьей занимал верх, а в нижнем этаже находился склад различных товаров: преобладали сукна — от Морозова.

У Абраама-аги было трое сыновей и две дочери. Старшая дочь вышла замуж год назад. Старший сын, Аршак, уже кончил городское училище и работал в лавке отца. Второй, большеротый Даниел, был тот самый, который в школе заметил Вардану, что счастливого еврея зовут не Урршидом, а Ротшильдом. Третьему было шесть лет, звали его Самвелом.

Заглянув в окно, Вардан представил себе, как вся семья сидит безмятежно за столом и спокойно ужинает. В нем вспыхнула жажда мести. Родилась злобная мысль: в полночь разбить окна нижнего этажа, облить товары керосином и поджечь. Огонь сразу охватит склад, потом перебросится в верхний этаж, где уже будут спать. И Абраам-ага сгорит с семьей и со всем своим богатством. Да и не он один, но и Израел со своим семейством в соседней половине дома. Что за чудесный план! Но кто же его осуществит? Сам Вардан? О нет, это слишком опасно! Быть может, Осман? Он за такое дело не возьмется: для него единственное оружие мести — кинжал.

— Ах, где сейчас Мкич? — со вздохом произнес Вардан. — Паренек он бесстрашный, он бы это сделал.

— Что сделал? О чем ты говоришь? — удивился Минас. — Пойдем, чего мы стоим перед этим домом? Твой отец умирает без священника.

— Отвяжись, какой ты товарищ, ты трус!

Они продолжали путь. Пройдя несколько шагов, Вардан остановился. Жажда мести уже до того овладела им, что спокойно миновать ненавистный дом ему было нелегко.

— Минас, найди мне камень.

Минас поднял камень величиной с кулак и дал ему.

— Минас, ты лучше меня мечешь, а ну-ка, попробуй. Можешь запустить этим камнем в среднее окно?

— Зачем?

— Да просто так, ради меня.

— Нет, это нехорошо, там люди, камень может попасть в них.

— Что ты за человек! — проворчал Вардан.

И он изо всей силы швырнул камень в одно из верхних окон. В темноте безлюдной улицы раздался грохот разбитых стекол. Вардан пустился бежать без оглядки.

— Что ты наделал? — повторял Минас, еле поспевая за ним. — Не беги, за тобой никто не гонится...

Священнику Амбарцуму пришлось силой вложить причастие в рот Багдасару. Извергнув новый поток ругательств, больной снова потерял дар речи. Это был второй удар, за которым дня через два последовал третий. Тем не менее Багдасар прожил еще целую неделю, но уже до последнего вздоха не выговорил ни слова.

Гюльюм овдовела, Вардан остался сиротой, лавка потеряла хозяина. Теперь, когда Багдасар покончил счеты с жизнью и кости его отдыхали в могиле, все выражали сочувствие вдове и сыну. Багдасар уже не казался дурным человеком. Правда, пользы от него не было никакой, но ведь он и не вредил никому. Покойный был невосдержан на язык, ну и что ж? Попусту он ведь людей не поносил...

Таково было мнение города Зилзила, выраженное устами посетителей цирюльни мастера Погоса. Зато теперь здесь безжалостно осуждали Абраамагу и его «наглого» брата. Бессовестные они, прикарманили потом и кровью добытые деньги несчастного, самого его загнали в могилу, а теперь живут себе припеваючи!

Однако последнее не вполне соответствовало истине: жизнь Абраамаги не стала более спокойной и счастливой. Он еще не покончил своих счетов с Морозовым и опасался, как бы кредитор не начал судиться. Горько упрекал Абраам-ага Исраела, втянувшего его в беду. Он думал: зачем алчность помutilа его рассудок? Сидели бы мирно, зарабатывая по двадцать копеек на рубль. Сейчас их доброе имя опорочено в городе. Ежели Морозов начнет тяжбу, то, пожалуй, сумеет упрятать их в тюрьму.

— Пустяки, Морозова ты вообще не опасайся, — успокаивал Исраел брата. — Москва слишком далеко. Никто не рискнет приехать сюда судиться с нами... Да и что такое для Морозова тридцать тысяч?

Абраама-агу угнетала смерть Багдасара, тяжелым камнем лежала она на его душе. Теперь он охотно уплатил бы весь долг семье покойного, только бы заглушить голос совести. Однако Исраел был против уплаты.

— Сесть на осла — стыдно, сойти с него — вдвойне стыдно, — повторял модник-купец местную поговорку. — Ежели мы теперь отдадим свой долг семье Багдасара полностью, те, кто не верил, поверят, что банкротство наше мнимое, и Морозов потребует рубль за рубль. Багдасара не воскресишь никакими деньгами. Вдруг ни с того ни с сего взял да ноги протянул, упокой, господь, его душу. Уж, видно, так построен мир — покуда один не свалится, другой не поднимется. И на кой черт Багдасару нужны были деньги? Он не умел вовсе ими пользоваться. Жене да сыну хватит того, что им осталось. Деньги нужны тебе и мне, понимаешь? Мы поступились добрым именем, чтобы кое-что оставить нашим детям. Прикажешь на попятный? Двадцать копеек за рубль — ни копейки больше!..

Не менее ретиво сопротивлялся и старший сын Абраама-аги — Аршак. Этот двадцатитрехлетний юноша, с худощавым лицом, впалой грудью и кадыком на шее, во взглядах сходился с Израелом, но был еще более жаден и цепок. Израел любил его, как родного сына, не скрывал от племянника ни одной торговой тайны и всегда повторял: «У Аршака будущность!» Зато младшего племянника, Даниела, он не любил. Добродушный, по-видимому, ко всему безразличный, Даниел отлично понимал, что поступок отца и дяди заслуживает осуждения.

— Я краснею от стыда при встрече с Варданом, — сказал как-то он Аршаку.

— Почему?

— Мне кажется, что это мы убили его отца.

— Ты глуп и ничего не понимаешь.

— Уверяю тебя, я все понимаю, хотя вы и скрываете от меня ваши дела.

— Скрывать тут нечего. Мы купцы, товары наши гниют в подвале, вот и обанкротились.

— Ты врешь, Аршак! Наш отец и дядя очень подло поступили.

— Лучше помалкивай!

— Папа человек неплохой, а вот дядя его сбивает с толку. Я повторял и повторяю: на свете только честные добьются счастья.

— Ого! Какой это учитель вбил тебе в голову такие мысли?

— Для этого не нужно учителя, достаточно иметь совесть.

— Еще ты меня будешь попрекать?

— Буду, если польстишься на чужие деньги.

— Ну что ж, тогда нам придется голодать! Ты о торговле понятия не имеешь. Хоть ты и не ребенок, но глуп и глупцом останешься. Человек должен родиться разумным, иначе и ученье не поможет. Даже шестилетний ребенок сметливее тебя. Вот смотри, Самвел! — крикнул Аршак младшему брату.

Спор происходил в большом саду перед домом Далбашьянов. Самвел играл в снежки с сестренкой Мартой, и, услышав свое имя, сейчас же подбежал к братьям, румяный, с посиневшими руками.

— Кого ты больше любишь, Самвел, сокола или курицу? — спросил Аршак.

— Сокола.

— Почему?

— Курица не может летать. А сокол ловит воробьев.

Аршак достал из кармана две кредитки: грязную, потертую трехрублевку и новую, чистую рублевку.

— Самвел, какую хочешь? — спросил он, показывая кредитки.

— Вот эту! — выхватил Самвел потертую кредитку.

— А когда ты вырастешь, что будешь делать?

— Поеду на Макарьевскую, в Нижний.

— Зачем?

— За товаром, чтобы продавать и денежки наживать.

— Видишь, — обратился Аршак к Даниелу, — ему всего шесть лет, а он уже все понимает.

— Ну еще бы, твой ученик.

— Тебя я тоже старался наставить на путь истинный, да бог обидел тебя умом. Скажешь тоже: «Я краснею, встречая Вардана на улице». Уж если на то пошло — Вардан должен был бы краснеть, встречаясь с тобой, будь ты на его месте, а он на твоём. Смотри, не клади ему пальца в рот — откусит. Несколько раз он заглядывал к нам в магазин, и я знаю, что он за птица. Подрастет — чего-чего только не наделает, сколько народу оставит без крова и хлеба. Торговое дело Вардан еще с колыбели постиг, жалеть его нечего, лучше позаботься о себе, несчастный ты глупец!

Стефан Порсохян советовал своей теще, Гюльюм, взять с Далбашьянов двадцать копеек за рубль. «Обанкротившегося купца, — твердил он, — не следует особенно прижимать: раз у людей пошатнулось положение, как ни настаивай, больше не получишь».

Несчастье до того подорвало доверие Гюльюм к людям, что она сомневалась даже в искренности зятя. Единственный человек, которому Гюльюм безусловно доверяла, ее брат, Мартирос Ахвердян, уже больше шестнадцати лет не был в Зилзиле, он разъезжал по торговым делам. В последнее время его письма приходили из Закаспия.

Гюльюм послала брату письмо, прося поскорее приехать и привести в порядок дела покойного. Через месяц Ахвердян приехал, и сестра едва узнала его. Когда они расстались, Мартиросу едва минуло двадцать лет — это был юноша с едва пробившимися усиками, худощавый, слабого сложения. Теперь перед Гюльюм стоял широкоплечий, здоровый и бодрый мужчина с побелевшими висками и обширной лысиной. Весь он полон был энергии практичного, самоуверенного человека, вызывающего зависть у людей ленивых и неуверенных в себе. Странствуя в чужих краях, занимаясь всевозможными торговыми сделками, встречаясь с разными людьми, он стал к тридцати семи годам сухим и прижимистым человеком.

Не теряя времени, Ахвердян принялся за дела сестры, вступил в переговоры с Далбашьянами и, сейчас же смекнув, с какого сорта людьми имеет дело, поспешил ликвидировать долг из расчета двадцать копеек за рубль. Успешно распродав остатки товаров, он честно представил сестре отчет.

Во всем этом ему помогал Вардан, обнаруживший необычайную сообразительность, которая буквально поразила искушенного в коммерции дядю. Ну и ну! Мальчик сам по себе — целое сокровище! За короткое время с помощью опытного дельца он может сделаться отменным купцом — жалко бросить его без поддержки.

— Отдай мне Вардана, я возьму его к себе в Баку, — предложил Ахвердян своей сестре.

— Что ты, что ты, да разве я могу без него жить? Ведь это свет очей моих, мой единственный сын. Как я пошлю его на чужбину? Вспомни, как ты сам уезжал в чужие края, оставив мать в слезах. Несчастливая с тоски по тебе отдала богу душу.

— Скажешь тоже! Просто она состарилась и умерла. Удивительные существа эти матери: так и цепляются за детей, не дают им сделать шагу.

— Дядя, это ты здорово сказал, — поддержал Вардан, которому мать уже начала порядком надоедать.

— Ладно, Гюльюм, оставим прошлое. Я тебя вместе с Варданом заберу в Баку. Вардан, слава богу, парень не глупый, ему нечего делать в таком убогом городке. В Зилзиле нет ни подрядов, ни крупной торговли, ни рудников или больших заводов. Город прескверный во всех отношениях, даже не встретишь человека, с которым можно было бы слово перемолвить. Вот Баку — совсем другое! Город, говоря по-русски, что надо. Те, у кого есть голова на плечах, должны ехать в Баку. Я пять лет не был там, а в этом году проездом задержался на три дня и убедился: город промышленный, быстро растет. Я решил начать там дело. С какой стати торчать мне в Ашхабаде? Пользы от него никакой. Армия оттуда возвращается, и торговля падает. Баку, Баку — и никуда больше! Открою там шикарный магазин. Я уже и место нашел: прямо на берегу моря.

— Ситец и бязь продавать? — спросил Вардан.

— Боже упаси! Что толку в торговле ситцем и бязью? Четверть или самое большее полкопейки заработаешь на аршин! Мануфактура, братец ты мой, для людей ленивых: сиди и аршином мух гоняй.

— А какая торговля выгодней?

— Какая? Хочешь в наши дни торговать по-модному — открой магазин дорогих напитков и закусок, вот что!

— Это что такое — бакалейная лавка?

— Ха-ха-ха! Ты, братец мой, ничего не смыслишь. «Магазин гастрономических товаров и заграничных напитков» — вот что! Очень большой магазин. Вывеска в длину десять аршин, в ширину два аршина, буквы золотые. Для магазина вывеска главное, конечно, в цивилизованном городе, а не в этом жалком Зилзиле. Тут и вывесок не видно, а если и попадаются, то простые куски жести, старые подносы или дно от ведерка. А в моем магазине будут еще по бокам у дверей отдельные вывески с картинками, понимаешь? Закажу, например, портрет господина с толстым животом: колбаса в одной руке, пивная кружка — в другой. Где это я видел такую вывеску? Черт побери, я в стольких городах перебивал, что даже из памяти выскочило. Ах да, в Ростове, на Садовой улице.

— Какие же товары будут в магазине?

— Такие, что у покупателя слюнки потекут. На полках с одной стороны коньяк, ром, херес, марсала — одним словом, начиная от зубровки и рябиновки, кончая шампанским. Понял? С другой стороны — сардины, кильки, анчоусы и так далее. А на прилавках мы разложим жареного барашка, поросенка, индейку, телятину, рыб разных, икру, колбасы, всякие сыры — чеддер, рокфор, жерве, и прочее. А на полу в мешках и ящиках — сухие фрукты, сладости, печенья... Вот какой магазин будет у меня!

— А на сколько в день можно продать товару, дядя? — полюбопытствовал Вардан.

— Пока ничего нельзя сказать, все от случая зависит. Такого магазина в Баку еще нет. Народ там необразованный. У меня большие надежды на моряков: они, братец ты мой, любят выпить да закусить... Я и хочу, чтобы магазин был на берегу, на виду у моряков. Я так считаю: в первый год мы будем продавать каждый день самое меньшее на пятьдесят рублей. Потом торговля расширится, и мы сможем довести дневную выручку до сотни, а может быть, и до двух.

— Мама, я еду в Баку! — воскликнул Вардан, воодушевленный рассказами дяди.

— Несколько лет ты у меня будешь приказчиком, конечно, на жалованье, — продолжал Ахвердян. — А как привыкнешь к делу, станешь компаньоном. От отца осталось тебе около пяти тысяч. В руках умного человека — деньги немалые. На этой неделе я поеду в Баку, закажу для магазина товары и обстановку. А ты пока кончай учење. Научись хорошенько читать и писать по-русски, а особенно разговаривать. О, братец ты мой, русский язык в наше время — верный кусок хлеба. Отец мой был человек темный, не мог этого понять, не дал мне доучиться. Но потом, слава богу, я сам все постиг. Теперь я жарю по-русски лучше твоего учителя. Читаю газеты. Купцу без газеты — грош цена. Не читай я газет, разве узнал бы, где взять подряд? Из Баку я тебе пришлю хорошую книгу. Там много полезного для купца — прочти и заучи.

16

С этого вечера Баку стал заветной мечтой Вардана. Он много слышал о несметных богатствах этого города и мысленно уже стоял за прилавком дядиного магазина. Вот он, окруженный покупателями, еле успевает отпускать товар. У кассы стоит веселый дядя и бойко говорит по-русски. Сотенные так и текут к ним. По вечерам они подсчитывают выручку и ликуют. Проходит год, другой, и наконец Вардан становится компаньоном дяди, и так далее, и так далее.

— Мама, — обратился он к матери в одну из таких минут, — ты помнишь папин завет?

— Какой?

— Он сказал: «Ты должен разбогатеть и отомстить Абрааму-аге и его детям». Помнишь? Отец еще добавил: «Будь проклят, если не исполнишь моего наказа».

— Ах, детка, эти проклятия вырвались из уст отца в тяжелую минуту. Забудь о них!

— Забыть? Отца моего обобрали, убили, деньги мои присвоили — и чтобы я простил детям Абраама-аги? Каждый раз, когда я встречаю Аршака или Даниела, кровь закипает во мне, так и тянет разmozжить им головы. Но я кусаю губы, креплюсь и говорю себе: «Повремени, повремени, успеешь».

— Ах, сынок, ты только о плохом и думаешь! Научись делать людям добро, не то все тебя проклинать будут. Ты думаешь, богатство только в деньгах? Нет. Доброе имя куда дороже. Заслужи его.

— Если будут деньги, доброе имя само придет. Так рассуждал четырнадцатилетний юнец, готовый во имя денег на что угодно.

Вскоре Вардан получил из Баку обещанную дядей книгу — элементарное пособие по торговле. Книга стала на время библией Вардана. Он читал и перечитывал ее запоем.

Как-то Вардан в школе рассказал товарищам, что скоро он отправится в Баку. И тут оказалось, что об обетованной земле мечтает не он один, а почти все ученики.

— А что ты там будешь делать? — пренебрежительно спросил он Минаса.

— Поступлю в реальное училище.

— Ого, в гимназисты метишь! Друг мой, тебе бы лучше смирно сидеть на месте и обучаться отцовскому ремеслу. Для сына мастерового больше чем достаточно и твоих школьных познаний.

— Отец то же самое говорит, — ответил кроткий юноша с обычным смирением, — а дядя не соглашается. Ты видел моего дядю? Нет? Уже шесть лет как он в Баку учителем. Каждую неделю я пишу ему. Дяде нравятся мои письма, и он настаивает, чтобы отец учил меня.

— Видно, твой дядя богатый человек, — заметил насмешливо Вардан.

— Не богатый, но меня он очень любит. Он не женат и хочет меня усыновить.

— Я тоже еду в Баку! — вмешался кудрявый Левон.

— А тебя кто зовет туда?

— Мы всем семейством едем.

— А вы думаете, я останусь? — отозвался подлиза Мартирос, ни в чем не отстававший от товарищей. — Упрошу отца, чтобы и меня отправил.

— Тебя там недоставало, — буркнул Вардан, выведенный из себя разговорами ребят. Они будто сговорились отбить у него хлеб. — Только ты один, Мкич, останешься тут!

— Ничуть не бывало! Неужели я хуже вас?

Потом ученики заговорили о будущем: каждый делился своими планами и надеждами.

Минас сказал, что ему бы хотелось долго учиться, чтобы понять, как это составители календаря умудряются предугадать солнечное и лунное затмения.

Левон признался, что мечтает объехать весь свет и научиться говорить на всех языках.

Сокровенное желание Мартироса — стать околоточным надзирателем.

Мартын Багданыч, помня о дарах Багдасара, выдал Вардану свидетельство об окончании курса с отличием. Не обидел он и других его одноклассников, проставив им в выпускных свидетельствах хорошие отметки. В последний день почтенный инспектор произнес назидательную речь:

— Старайтесь быть достойными людьми, — сказал он, — чтобы я с чистой совестью мог смотреть в глаза вашим родителям. Не забывайте Мартына Багданыча. Запомните: если вы подниметесь по лестнице жизни, то только благодаря мне. Это я вас, скотов, сделал людьми. Ну, в добрый путь! Э-э-э, не годится, не годится, постойте! Вот вы сейчас же показали свой ослиный нрав. Что ж, так и уйдете?..

— Смирно! — раздался возглас Мкича. — Ряды, стройся! Так. Шапки долой! Раз, два, три — урра! Да здравствует Мартын Багданыч!.. Ура! Ура! Ну, хватит.

Вытянувшись перед инспектором, он по-военному откозырял, повернулся и, приговаривая: «раз, два, три», пошел, чеканя шаг.

— Ну и сатана! — со смехом воскликнул учитель.

Через месяц Вардан отправился в Баку.

1902 г